

АЛЕКСЕЙ СМЕХОВ

ТРЕТЬЯ СИЛА

Алексей Смехов

Третья сила

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451004

*Смехов А. Третья сила : Стихотворения: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-00098-261-7*

Аннотация

Вот перед вами книга. Ещё закрытая. Не торопитесь открывать её: сначала закройте глаза. Вспомните свои детские сны, подростковые мечтания, добрые сказки: парус корабля на горизонте, блестящую чешую дракона. И теперь можно открывать. Это не просто книга – это ларчик, в котором хранятся под обложкой, словно под стеклом, наши детские чудеса. В любом противоборстве есть третья сила: человечность и внутренний свет, который мы носим в себе детьми и часто забываем о нём, будучи взрослыми. Страницы книги Алексея Смехова заливают этот человеческий свет, мягкий, словно вечернее солнце, тёплый, словно озёрная вода, в которую так хорошо окунуться – и смыть с себя все тревоги. И пусть, читатель, третья сила коснётся и вас.

Содержание

Уменье удивляться	12
Две реальности Алексея Смехова	15
Стихотворения	17
«Я хотел бы стать птицей и в небе зависнуть...»	17
Баллада о паже и принцессе	19
Дракон и рыцарь	21
Морская баллада	23
Лисёнок	25
Белая ворона	27
«Какие клёны, боже мой...»	30
«Рыжей и весёлой мокрой кошкой...»	32
Вьюга	34
«Сегодня бал на небе звёздном...»	36
Овцы небесные	38
«Если в конце тоннеля Всевышний спросит...»	39
Мечты Дон Кихота	41
Золотая рыбка	44
Персей и Андромеда	45
Ночной звонок	46
Яга	47
Валентинов день	49

Валентинов день 2	50
Путешествие муми-троллей	52
Малыш и Карлсон	53
Пряха	55
«Скажите, в этом магазине...»	56
«Зачем преумножать страдания...»	58
«Чёрной скатертью застлано небо...»	59
Белый ветер	61
Весенний шум	62
«Не любит бедности красавица...»	64
Луговые цветы	65
За час до рассвета	68
«От Петербурга к Ленинграду...»	69
Таинственный лес	70
Благодаренье	72
Кентавры	73
«Бежит по спутанным дорожкам...»	75
«Люблю смотреть я с грустью затаённой...»	76
Сиятельный август	78
Малина	79
«В изумрудной траве мы глотали медовые росы...»	80
«Рисуя облик твой в воображенье...»	82
«Нас холодильник примиряет...»	84
Ёж	85
Муравей	86

Розовый слон	88
Мыш и Крот	89
Танец	92
Капучино	94
Золотой	95
Бабушка осень	96
«Спрятались в туманы...»	97
«Извини, дорогая, я сделался осьминогом...»	99
Сонет о женской красоте	101
Зимнее солнцестояние	102
Предновогоднее	103
«Заметали след метели...»	105
«Все ёлки и блестящие шары...»	107
Свеча	108
«Когда же сквозь тучи пробьётся...»	111
«А лес так свеж и так прозрачен...»	113
9 мая	116
«Когда под утро сгорают звёзды...»	119
Сказочник	121
Июнь	123
«Солнце августа всё ещё грозно...»	125
«Бледно-жёлтый свет луны лился на поляны...»	127
«Хотела ты, чтоб стал я как родник...»	128
«Мягко укрыл дороги...»	130
Осенняя симфония	132

Три сына	133
Калина	136
Колумб	138
Южный Крест	140
«Горячее солнце ложится на море...»	142
«Пегас подковы не теряет...»	144
Первый снег	146
Дороги души	147
«Когда, скорлупки растолкав...»	149
«Запоздалое зимнее утро...»	151
Прощёное воскресенье	152
Гефсиманский сад	153
Третья сила	156
Песенка менестреля	157
Солнце с собой	158
«Заблудился я где-то в созвездье Весов...»	159
«Разлеглись прошлогодние листья...»	160
Чёрный лев	162
Звездопад	164
Бабье лето	166
«С нас годы облетают...»	168
Дед	170
Великаны	172
Зимний ветер	174
Небесная конница	176
Письма зимы	178

Небесный дворник	179
«Оранжевый пушистый кот...»	181
Танец эльфов	182
«Холодно одиночеству...»	184
Забывают вторых	186
«Не верь – не остаёмся мы одни...»	188
Загадка	190
Мальчик Март	191
«Весна ворвалась в мир девчонкой...»	193
«В кошачьей школе беру уроки “ловить мышей”...»	194
Вечный сад	196
Маленькие портные	197
Гроза	199
Сонет о свече и пламени	201
Подруга осень	202
«В прохладном октябре начни гулять...»	204
«Осень – это время для раздумий...»	206
«Осенний завершая круг...»	208
Ночное окно	210
Анатомия зимы	212
«Солнце дарит свет несмело...»	214
Сердце дракона	216
Весенний шахматист	218
Весенний календарь	220
Весна желанная	221

Юный месяц	222
«Мне дарит осень, словно клад...»	224
«Нам счастье не поймать: в хитросплетенье линий...»	226
Ночной рыцарь	228
«Алый лист задрожал под напором тугого ветра...»	230
Рождение снежинок	231
«Шестерёнки снежинок сцепились...»	232
«Зимою мечтаем о лете...»	234
Рождество	236
«Хрустальной люстрой на солнце...»	237
Неделимое	239
Хористы	240
«Весна творит легко, как дышит...»	242
Весна-проказница	244
Неудавшийся вождь	246
Улыбка	247
Семь зайцев	248
След	250
«Мы все говорим на одном языке...»	252
«Если вдруг повезёт – жизнь придавит...»	254
«У всех бывают звёздные часы...»	256
«Отважные и всё-таки смиренные...»	257
«Светятся на иве серьги серебром...»	259
Мы не умрём	260

«Что вытворяет лес, когда его не видим?...»	263
«Без двух понедельников лето...»	265
«Я вижу чудную картину...»	267
«Девушка пела в церковном хоре...»	268
А музыка ещё звучит	270
Ночная рыбалка	272
Гардероб	273
«Жук тащит ветку больше себя в сто раз...»	274
Летнее утро	276
«Когда весна в окошко к нам глядит...»	277
Хороводят цветы	279
Летнее солнцестояние	280
Восход	281
Оберег	283
«Выпив рос медвяных сладость...»	285
«Помнишь Санкт-Петербург, Староневский...»	286
«Неизменно дождливый Питер...»	287
«Давай услышим, как растёт трава...»	288
«Птицы замолчали...»	290
«Август тянется, словно расплавленный мёд...»	292
Предчувствие осени	294
«Клёны взметнули флаги, горят огнём...»	295
Зимние разговоры	297
Лесной капитан	298

«Сникшие, задумчивые травы...»	300
«Слово “Вечность” нельзя сложить...»	301
Мастер	303
«Так сотворил нас бог Всевышний...»	304
«Кто я для моря и для чаек...»	305
«Я жизнь, казалось бы, познал...»	306
«Эра позднего кайнозоя...»	308
«Мягче, ребята, мягче...»	310
«Мы часто говорим, что счастье было...»	312
«Этой осенью звук раздается всё тише и тише...»	314
«Учусь читать я иероглифы...»	316
«Когда космический извозчик...»	318
«Бокал наполню не вином, а небом...»	320
«Кружат разноцветные листья...»	322
«Осень вешает на ветки...»	324
«Образцом моим по жизни были...»	326
«В страданиях душа тончает...»	329
Колесо сансары	330
Дети и медведь	331

Алексей Смехов

Третья сила

Стихотворения

© Городницкий А., предисловие, 2020.

© Долгарева А., предисловие, 2020.

© Смехов А., текст, 2020.

© «Геликон Плюс», оформление, 2020.

* * *

Умение удивляться

Стихи и стихотворные сказки Алексея Смехова переселяют нас в утраченный радостный мир нашего детства с верой в чудеса и добро. В наше сложное время, изобилующее отрицательными эмоциями, они дают людям надежду, напоминая, что вокруг нас существует прекрасный многоцветный мир природы и добрых сказок.

Меня особенно тронула его «Морская баллада», повествующая о корабельной сосне, которая потом стала мачтой, а когда шторм её сломал, помогла тонущим морякам доплыть до берега, и стала дровами для согревшего их костра.

Автор радуется жизни, красоте окружающей природы, и передаёт это своим читателям. Вот одно из таких стихотворений, которое хотелось бы процитировать целиком:

Какие клёны, боже мой,
Какие свечи.
Листва течёт, как воск живой,
Земле навстречу.

И храм из белых облаков,
В оправе неба,
Висит то грозный, то благой,
Вселяя трепет.

И слёзы капают с икон
На плечи бора
Под журавлиный перезвон —
Последний, скорый.

А ветер, посланный с небес, —
Неловкий пастырь,
Так дует на горящий лес,
Что свечи гаснут.

Пушистый снег падёт в поля,
Как белый саван.
На отдых просится земля —
Имеет право.

И, переждав лихой мороз
И злую темень,
Весной воспрянет, как Христос
В день воскресенья.

Полвека назад, в дальнем океанском рейсе, я написал песню, где есть такие строки: «Не страшно потерять умение удивлять, – страшнее потерять умение удивляться». Главное для поэта – не удивлять читателя необычными рифмами и метафорами, а передать ему в своих стихах радостное удивление окружающим миром, убедить его, что, несмотря ни на что, добро всё-таки побеждает зло, и жизнь прекрасна. Именно это и делает Алексей Смахов в своих лучших стихах,

свидетельствующих о его безусловном поэтическом таланте. К ним относятся, например, такие, как «Вьюга», «Золотая рыбка», «Сиятельный август», «Луговые цветы», «Свеча», и многие другие. Да и по части метафор у него нет проблем.

Пожелаем поэту долгих творческих лет, пока «У него в росинке Солнышко дрожит».

Александр Городницкий

Две реальности Алексея Смехова

Романтическая поэзия – это не всегда и не только поэзия о любви. Любовную поэзию называют романтической часто, хотя это всё-таки разные жанры.

Но, говоря о романтической поэзии, я имею в виду другое. Чистоту и ясность, узнаваемые сказочные образы, вечное добро, побеждающее зло – всё то, что ищут в книгах не только подростки: в первую очередь, это взрослые люди, в которых внутренний ребенок заявляет о себе громким голосом; взрослые люди, не позабывшие о своих детских мечтах. Приключение и сказка, торжество справедливости, дыхание добра – вот она, романтическая литература. И если подобной прозы немало написано, по крайней мере, в девятнадцатом веке, то романтическая поэзия двадцать первого века – явление редкое и драгоценное. И вот его-то и раскрывает в полной мере в своей книге Алексей Смехов.

Мечты о далёких дорогах и приключениях, полные любви к природе пейзажные зарисовки, добрые баллады – вот про что эта книга. Доброта – это то, что наполняет её. Даже извечный, казалось бы, сюжет, о принцессе, которая полюбила пажа: он должен закончиться тем, что несчастному влюбленному отрубят голову, а принцесса выйдет замуж не по любви, но Алексей Смехов перечеркивает этот паттерн:

«Не знаю сам, зачем я врал, ведь всё наоборот:
Король, услышав скрипача, открыл от счастья рот.
По вечерам совместные концерты в си-бемоль
Играет дружная семья: принцесса, паж, король».

Рыцарь примиряется с драконом, а принцесса – с ними обоими. Белая ворона улетает к какаду и, снискав славу и успех, возвращается в родной лес, после чего её уверенность в себе делает её прямой и там. Мальчик Саша носит дракона внутри себя и раз за разом побеждает его. Парнишка с ДЦП по ночам воюет с троллями и порождениями тьмы – и эта реальность более реальна, чем та, где «тело – лишь глина, застывший давно кувшин». Тем не менее, после долгих боев и в другой реальности начинает разгибаться давно скрюченный палец – а значит, реальности эти переплетаются.

Так переплетаются и реальности Алексея Смехова, в которых нет места злу и несправедливости, и мир, данный нам в ощущениях. Романтизировать последний – то ещё удовольствие. Но Смехов не сдаётся. Его лирический герой вытаскивает на свет божий наивную, прекрасную реальность того внутреннего ребенка, что сидит внутри взрослого человека.

Нам, тридцатилетним, сорокалетним невыросшим детям, нужна такая реальность. Реальность Питера Пэна, остров Неверленд, где мы никогда не постареем, никогда не умрём, и битва добра со злом будет продолжаться всегда.

Анна Долгарева

Стихотворения

«Я хотел бы стать птицей и в небе зависнуть...»

* * *

Я хотел бы стать птицей и в небе зависнуть
Просто так, от предчувствия скорой весны,
Щебетать, не вдаваясь в заумные мысли,
Пересказывать тучам счастливые сны.

Соловьём заливаться в кустах на рассвете,
Или чайкой над Финским заливом лететь,
Первый солнечный луч с ликованием встретить
И опять беспрерывно и радостно петь.

Если б мне довелось ещё раз возродиться
И попробовать тело не как человек,
Я сказал бы: Господь, можно стану я птицей,

Чтоб прожить в синем небе отмерянный век.

Чтобы ветер под крылья и солнце в зените,
Чтобы стая за мной стройным клином неслась,
Я бы лебедем стал, и невидимой нитью
Между мной и тобой возродилась бы связь.

На седьмом, лишь для счастья дарованном небе
Мы б кружили, пока не закончится день,
А потом улетели в созвездие Лебедь
И вписались навечно в небесную сень.

Баллада о паже и принцессе

Жила-была принцесса прекрасная, как сон,
Вокруг неё кружился цветных снежинок сонм.
На севере бескрайнем, быть может, и досель
Есть замок белоснежный, где властвует метель.

Покои в сине-белых, искрящихся тонах
Да инея узоры на каменных полах.
Как в сердце у принцессы, везде прозрачный лёд
В старинном этом замке свой свет холодный льёт.

Но вот к литым воротам подъехал экипаж,
На службу попросился какой-то юный паж.
Имущества немного: каприс был в си-бемоль
Да старенькая скрипка, смычок и канифоль.

И воздух в стылом замке вдруг стал, как неземной:
Играла, пела скрипка взволнованной струной
О южной страстной ночи, о пылком зное дней,
И слушала принцесса, и что-то грелось в ней.

Когда же нестерпимым стал в юном сердце жар,
Лёд растопился в слёзы, но не погас пожар.
А весь огромный замок вдруг начал пропадать,
Колонны стали таять и стены оседать.

Сверкало ярко солнце над головой у них,
Чертоги испарились, огонь внутри не стих.
Куда-то делось платье, растаяло, как дым,
Им бесконечно жарко, безумно молодым.

Нежданно из похода пришёл домой король.
Был паж позорно изгнан, терпел он стыд и боль.
Король принцессу замуж за герцога отдал.
Хоть муж богат и знатен, но он не согривал.

Расплавленное сердце принцесса не смогла
Обратно сделать льдинкой и вскоре умерла.
Но не смолкала скрипка, опять впадала в раж,
Забить не мог принцессу несчастный юный паж.

В созвездии на небе горят её глаза.
Там кто-то тихо плачет – и падает слеза,
Чертя свой след искристый к пажу на землю вниз.
А скрипка всё играет пронзительный каприз.

Не знаю сам, зачем я врал, ведь всё наоборот:
Король, услышав скрипача, открыл от счастья рот.
По вечерам совместные концерты в си-бемоль
Играет дружная семья: принцесса, паж, король.

Дракон и рыцарь

Взошла принцесса на балкон,
Чтоб посмотреть воочию,
Как бьются рыцарь и дракон
У замка лунной ночью.

Дракон, конечно, символ зла,
Сразить его – отрада.
Принцесса розу припасла
Для рыцаря в награду.

Судьба поставлена на кон,
Но есть одна загвоздка:
Ночами огненный дракон
Любил смотреть на звёзды.

Он крал, как водится, принцесс,
Но унося их к тучам,
Показывал волшебный лес
И гор далёких кручи.

А рыцарь слишком шумно жил,
Любил пиры и драки.
Он, как дракон, везде кружил —
Матёрый забияка.

И девушка, упав в кровать,
Задумалась об этом.
Кого тут нужно выбирать —
Загадка для сюжета.

Казалось бы, простой резон:
Бери орла иль решку...
Вот этот – рыцарь, тот – дракон,
А если вперемешку?

Остались в прошлом те века,
Когда всё просто было.
Принцесса спит, она пока
Обоих полюбила.

Морская баллада

В корабельной сосновой роще, где деревья росли, как
мачты,
Собирая на верхних иглах мириады горячих звёзд,
Словно свечи святого Эльма на снастях в бесконечной
качке,
Возвышалась сосна-мечтатель, ей хотелось сбежать
всерьёз.

И, когда появились рядом бородатые лесорубы
И стальным топором звенящим оборвали земной поток,
Улыбалась она беспечно, и гудел где-то рядом в трубы
Светлый ангел, а, может, боцман для неё просвистел в
свисток.

И она вознеслась, как шпага, и проткнула тугое небо,
Без коры и без тяжких веток, так возвышенна и стройна,
Что матрос остроглазый Джонни видел рифы с верхушки
крепкой,
И арфист океанский ветер говорил, что она – струна.

Так и стала сосна грот-мачтой на пиратском большом
корвете,
Чёрный флаг развевался лихо, белый парус тянул вперёд.
Океан и четыре моря повидала она на свете,
А портам, в темноте манящим, потеряла давно уж счёт.

Но однажды, во время шторма, ветер дёрнул в сердцах за
струны
И порвались они со стоном, и сорвало её с колков,
И носило три дня по волнам, но гудел где-то рядом в
трубы
Светлый ангел, и хмурый боцман выдал пару лихих
свистков.

А потом был песчаный берег, на котором встречала
юность,
И толпа корабельных сосен обступила со всех сторон,
И запел похоронно дождик, и подругам её взгрустнулось,
И закапали злые слёзы из высоких прекрасных крон.

Моряки, что спаслись на мачте, чтоб согреться, подняли
кубок,
Из последних её обломков развели до небес костёр,
В темноте засверкали искры, благодарственно пели губы,
И суровый обычно боцман ненароком слезу утёр.

Светлый ангел летал над ними и гудел восхищённо в
трубы,
И почудилась ветру зависть в робком взгляде её сестёр.

Лисёнок

Маленький лисёнок спрашивал у мамы:
– Почему сегодня так чудесно жить?
Почему проснулся я счастливый самый,
Почему в росинке солнышко дрожит?

Мама, посоветуй, что б такого сделать?
От избытка силы хочется скакать!
К яблоку допрыгнуть, что уже созрело,
Совершив четыре в небе кувырка.

Видишь, мама, в лапах стало много силы,
Хвост летит трубою, мягок и пушист.
Посмотри, под солнцем он такой красивый,
Словно бы кленовый, самый рыжий лист.

Как мне сладить с этим счастьем без начала,
Ведь его так много, что в себе не скрыть...
– Это очень просто, – мама отвечала, —
Нужно лес и небо поблагодарить.

Мы погладим травы, приласкаем ветер,
Реку, и деревья, и друзей в лесу.
Тут сказал лисёнок:
– Больше всех на свете
Обнимать хочу я мамочку лису.

Белая ворона

Ворона не была в то время белой,
Но, слушая однажды соловьёв,
Прочистив горло, тоненько запела
Про счастье и безумную любовь.

В ответ на это чёрные вороны
Прогнать решили самозванку прочь:
Её рулады слишком изощрённы
И всем мешали каркать день и ночь.

Тогда она помчалась к свиристелям,
К щеглам, и канарейкам, и дроздам,
Но, несмотря на сладостные трели,
Никто ей лапку дружбы не подал.

И полетела в тропики цветные,
Где в царстве попугаев какаду
Сверкала белизна её отныне,
Как лилия в изысканном саду.

Там было всё прекрасно, и ворона,
Блистая примой, тренькала на бис,
Но, выпив как-то раз воды студёной,
Осипла горлом, и – та-дам! – сюрприз:

Осталось только «кар» в репертуаре,
И примадонну быстренько прогнали.

Вернувшись в стародавние края,
Подумала: вот родина моя,

Где ничего не видно, кроме леса,
Наверняка тут помнят мой дебют,
К тому же я – заморская принцесса
И обрету здесь славу и приют.

Всё получилось, только вечерами,
Прокаркав речь о городах чужих,
Тоскует горло по знакомой гамме
И хриплый голос тоненько дрожит.

В вороньей стае новые порядки:
Все птенчики пытаются запеть,
Выходит иногда довольно гладко,
И чешет ухо вдумчиво медведь.

Дрозды щебечут: если уж ворона
К руладам проявила интерес,
Смогла увидеть звёзды через крону
И к пенью вдохновила целый лес,

То нам подавно нужно быть смелее,
Добавив в трели страсти и огня.
Ворона ищет новые идеи

И танго изучает возле пня.

И чем она становится белее,
Тем больше симпатична для меня.

«Какие клёны, боже мой...»

* * *

Какие клёны, боже мой,
Какие свечи.
Листва течёт, как воск живой,
Земле навстречу.

И храм из белых облаков,
В оправе неба,
Висит то грозный, то благой,
Вселяя трепет.

И слёзы капают с икон
На плечи бора
Под журавлиный перезвон —
Последний, скорый.

А ветер, посланный с небес, —
Неловкий пастырь,
Так дует на горящий лес,
Что свечи гаснут.

Пушистый снег падёт в поля,

Как белый саван.
На отдых просится земля —
Имеет право.

И, переждав лихой мороз
И злую темень,
Весной воспрянет, как Христос
В день воскресенья.

«Рыжей и весёлой мокрой кошкой...»

* * *

Рыжей и весёлой мокрой кошкой
Осень трётся спинкой о стволы:
Ей приятно пошалить немножко —
Воду на прохожих с клёнов лить,

Листья драть, как пёстрые обои,
Разметать их огненным хвостом
И проснуться в марте беспокойном
Вместе с чёрным влюбчивым котом.

Чтоб потом, в порыве бурной страсти
Слившись в переливчатый клубок,
Дать котятam изумрудной масти,
Как игрушку, первый лепесток.

Пусть сияют чистыми глазами
Под весенний птичий пересвист
И не верят песням мудрой мамы
Про последний облетевший лист.

Это ведь смешно и невозможно —

Старость бесконечно далека.

Рыжей лапкой кошка осторожно

Гладит их зелёные бока.

Вьюга

Эта сумрачная вьюга с переломанной клюкой,
Эта бледная старуха, что поёт за упокой —
Ходит в поле привиденьем, тычет палкой наугад:
Не отбрасывая тени, замечает всё подряд.

Нет, не Дед Мороз весёлый с серебристым посошком —
Вьюга бродит по просёлкам и стучится в каждый дом.
Не Снегурка в синей шубе, беспечальна и легка —
В платье с прозрачным раструбом беспощадная пурга.

Страшно детям, страшно взрослым – не высовывай к ней
нос:

Ледяным дыханьем скосит, сбросит палкой под откос.
Можно только укрываться за узорчатым стеклом,
На поленья любоваться и смеяться за столом

Над бездомною старухой, что свирепствует в ночи.
Слышишь – стонет завируха или кто-то в дверь стучит?
Открываю – это вьюга сыплет колкий мёртвый снег —
Хорошо, что мы друг с другом, что есть рядом человек,

А не только свист и хохот с придыханьем за окном —
Как ей, бедной, одиноко, и никто не пустит в дом
Неприкаянную старость без надежды впереди:
Что со мной? Должно быть, жалость. Эй, старуха, заходи.

Сядем вместе и повоем о доживших до седин,
Чтоб никто в холодном поле не остался в ночь один.
Чтобы всех, кому там туго, в дом пустили на постой.
На скамью киваю выюге – грейся, старая, и пой!

«Сегодня бал на небе звёздном...»

* * *

Сегодня бал на небе звёздном:
Куда ни кинешь взгляд – танцор
Коньком серебряным и острым
Творит затейливый узор.

Вот в белом платье фигуристка
Отправилась в изящный лутц —
Сверкает капелькой лучистой,
Пробив завесу чёрных туч.

Вот конькобежец серебристый
Летит небрежно и легко,
И путь его прорезан чисто
Одним немислимым штрихом.

Двойные звёзды в парном танце
Не разомкнут влюблённых рук,
Кометы – вечные скитальцы —
Уходят на повторный круг.

И с каждой выбитой искрой

На Землю падает звезда.
Как Млечный Путь сегодня близко:
Скажите, я не опоздал

На этот импрессионистский,
Сверкающий огнями бал?!

Овцы небесные

Наконец в небе синь – распогодилось,
Там овец-облаков поубавилось.
Видно гнал их пастух ночь без отдыха —
Раскурчавились.

Он решил не пасти тучи чёрные,
А собрал самых нежных и перистых —
Золотою расчёской расчесывал
Под овчарок-ветров свист и пение.

Каждый луч гребешка – как сокровище,
Только серых овец шерсть колючая
Вновь ломает зубцы и приходится
Сильным ливнем с протяжными крючьями

Выдирать шерсть с боков стада вечного,
И слетают клочки к нам на головы,
Но не жёлтые, нежно-беспечные,
А в цвет белого тусклого олова.

Золотое руно не досталось нам,
Морось падает серыми прядями.
Где пастух стриг овец без усталости —
Будет радуга.

«Если в конце тоннеля Всевышний спросит...»

* * *

Раньше иль позже – Бог ведь однажды спросит:
– Сколько чудес ты в жизни земной встречал?
Звёзды над пиком – правда ведь, грандиозно?
Помнишь ли сад у речки и свой причал?

Я удивлённо вскрикну:

– О чём ты, Боже?

Разве не время делать разбор грехов?
Много чего творил, когда был моложе
И оправдаться будет не так легко.

Господи, если можно, даруй прощенье.

Только, прошу, не сильно меня карай.

– Что ты, – ответит, – мне недоступно мщенье.
Если шёл к Богу – значит, увидишь рай.

Жаль, что ты там, внизу, не смотрел почаще
На красоту, что слал я тебе с небес.
Солнце в зенит абрикосом плывёт горячим,

Месяц лимонной долькой на крышу влез.

Видел ли в Красном море мои кораллы,
В чистой воде сверкающие сады?
Как проплывают мимо сокровищ алых
Рыбы, коньки морские и две звезды?

Льва и орла с тельцом я творил отдельно,
Символом вечной славы, как отблеск мой.
Правда, прекрасной я эту Землю сделал?
Был ли влюблённым в жизнь ты хотя б весной?

Чтобы кричать скворцам: «Я сегодня счастлив!» —
И улетать душой с лёгким взмахом крыл.
Жалобы – помню, просьбы – довольно часто.
Я же хотел, чтоб просто благодарил.

Помнил меня и людям прощал от сердца:
Грех – это только занавес или тень,
Что не даёт озябшей душе согреться
Даже в погожий, пышущий зноем день.

Так что с грехами свиток забрось подальше
И опиши-ка запах лесных цветов,
Краски восхода, птиц, на заре галдящих,
И расскажи мне главное – про любовь.

Мечты Дон Кихота

Я приеду в замок твой на Росинанте,
В старых латах,
Весь в заплатах,
Чуть живой.
С головы сниму не очень-то галантно
Медный тазик,
Несуразный
И кривой.

Знает только мой надёжный Санчо Панса,
Сколько мельниц
Я бесцельно
Победил.
Но в сражении всегда бывают шансы
Сделать что-то
Сверх полёта
Жалких сил.

Привезу тебе листок старинной книжки,
А богатства
Я, признаться,
Не снискал.
Дон Кихот – по всем канонам вечно нищий:
Семь сонетов,
Взгляд поэта —

Идеал.

Ты мне скажешь: «Заходи, мой неудачник».

Повлажнеет

Дульсинеи

Чистый взор.

А потом ты почему-то вдруг заплачешь,

Не бриллианты —

Фолианты,

Книжный сор.

– И зачем ты теребишь свой жалкий листик?

Видно карту,

Ординаты,

Чёрный крест.

– Это клад, один идальго бескорыстный

Мне оставил

Всем на зависть

Свой секрет.

– Там сокровищ триста лет уже как нету,

Мой наивный

И невинный

Старый дон.

Хоть однажды притащил ты не сонеты —

Знать, и вправду,

Ненаглядный,

Ты влюблён,

Коль подумал наконец о бедной Дусе
И в скитаньях
Вызвал тайну —
Вот чудной!
Хоть в делах житейских глуп и неискусен —
Ты прекрасен,
Я согласна
Быть женой!

Золотая рыбка

Я, шутя, накрыл рукою
Рыбку жёлтую на дне,
Что дремала преспокойно
В безмятежной глубине.

Рыбка билась под ладонью,
Будто бабочка в плену,
Так стучат сердца влюблённых,
Вспоминающих весну.

Много спрашивать не буду:
Рыбка, что-то я грущу.
Я искал тебя повсюду,
Не каких-нибудь там щук.

Мне не надо трёх желаний,
Ни к чему такая прыть,
Можно мне в одно касанье
Быть любимым и любить?

Персей и Андромеда

Кисловатой долькой мерцает месяц,
Звёздный сахар сыплется в чёрный чай.
Не могу напиться прохладной смесью
Бесконечно древних, как мир, начал.

Заострённым взглядом ищу созвездья:
В небесах таится полно легенд.
Тихий шёпот льётся, и есть надежда,
Что его узнавший – вовек блажен.

Андромеды нежной глухие стоны,
Рёв Кита зловещий, Персея клич.
Но расслышать это дано влюблённым,
Лишь влюблённый может всего достичь.

Защитить принцессу, убить дракона,
Напитавшись силой старинных притч.

Ночной звонок

Звонок в три ночи, вот побудка...
Кого спасать и где горит?
Твой голос в телефонной трубке
Взволнованно мне говорит:

– Ты можешь взять меня отсюда,
Примчаться, не жалея ног?
Мне грустно здесь и очень худо,
И только ты помочь бы мог.

– Держись, бегу, уже в дороге,
Но где искать тебя, кто б знал...
– Я просто дома, на пороге, —
Твой голос тихо мне сказал.

Яга

Пригорюнилась Яга
На крылечке.
Где же ты, Иван-дурак,
Всё на печке?

Заходи на огонёк,
Потолкуем.
Хоть тебе и невдомёк,
Я тоскую.

Баню жарко истоплю
Для начала.
А потом и накормлю
До отвала.

Посидим с тобой вдвоём
Чинно-ладно.
Может, песни попоём —
Всё отрадно.

Вопреки календарю
Снег замутим,
Или солнцем одарю —
Спину крутит.

Коль тебе не приглянусь —
Поправимо:
Хошь, царевной обернусь
Раскрасивой.

Василисою могу
Стать премудрой.
Не узнаешь в ней каргу
Даже утром.

Отлежишь себе бока,
Сидя дома.
В лес дорога не близка,
Да знакома.

Люди нас уже с тобой
Позабыли.
Приходи ко мне, родной.
Кто здесь, ты ли?

Валентинов день

Акростих

Спутаны тропинки в сказочном лесу,
Нелегко добраться до своей Яги.
Он несёт сердечки, розу, колбасу.
Воют где-то волки, не видать ни зги.
А она колдует десять блюд в печи:
Всех влюблённых праздник, кругом голова...
Может хоть сегодня он в лесной глуши
Ей на ушко скажет нежные слова?
Стук в окно раздался – вечер всё решит.
Так трепещет сердце, Леший, не молчи,
Если есть блаженство – у тебя ключи!

Валентинов день 2

Акростих

С устатку от дороги дальней
Кикимор шёпот в голове:
Ах, Леший, разве можно тайну
Зубастой доверять молве?
Как быть с Ягой нетерпеливой —
А вдруг без ласки пропадёт?
Легко ей, что ли, быть красивой
От рождества в затёртый год...
Жива – и то приятно, хот
Ь

Да разве может быть такое?
Абсурд: наш Леший не готов
В день всех влюблённых стать героем,
Но всё же смог из жарких слов
Ей серенаду спеть отлично —
Йага от счастья расцвела.
Настрой был очень романтичным,
А дальше их любовь вела.
Мигая, звёзды в дом глядели.
Ёж спрыгнул с бабкиной постели,
Когда услышал те слова.

День Валентина будет помнить
Она потом ещё лет пять,
Бодриться, улыбаться томно,
Рассвет улыбкою встречать,
А после колдовства дневного
Уютно сядет что-то шить,
Речь Лешего, от слова к слову,
О страсти будет ворошить,
Как модница – свои обновы!

Путешествие муми-троллей

По тёмному лесу идут муми-тролли,
Покинув уютный и солнечный дом.
Тюльпанчик светящийся держат в ладонях —
Хоть страшно и холодно – им нипочём.

В опасном болоте плывут муми-тролли,
На листик кувшинки отряд помещён.
Большой и свирепый, ужасно прожорлив,
К ним тянется Змей, но им всё нипочём!

Снусмумрик пять тактов свои напевает,
Ондатр в философию весь погружён.
Пока бутербродов от мамы хватает —
Для троллей с друзьями всё-всё нипочём!

А после на небо глядят муми-тролли:
Комета к земле мчится с красным хвостом,
И высохло море, и звери примолкли —
Но мама спасёт – всё-всё-всё нипочём!

Малыш и Карлсон

Малыш, привет! Который год на крыше
Не слышен лёгкий стук твоих шагов,
И без варенья сладкого из вишен
Мне трудно долететь до облаков.

Ты стал ужасно умным и серьёзным,
Твой бизнес процветает и растёт.
На подчинённых смотришь очень грозно,
Нахмутив брови, требуешь отчёт.

Щенка купить родителей не просишь,
Всё можешь сам – возиться недосуг.
Давно не задаёшься уж вопросом,
Когда влетит в окошко старый друг...

Весь график жизни до минут поделен,
Чтоб не пролить финансовый поток.
А помнишь, раньше как ты был затейлив,
Когда мы доводили Фрекен Бок?

Играли в привидение на крыше,
Воров гоняли в белой простыне.
Ах, если бы ты знал, как часто вижу
Картины эти в беспокойном сне.

Я помню вкус тех пончиков с ванилью,
Тефтелек, что ты с кухни мне таскал.
Смеялись громко Кристер и Гунилла,
И мне смешно, но вот сейчас – тоска.

Ты вырос, парень, я – один на свете.
Пропеллер цел, да не к кому летать...
У вас с Гуниллой скоро будут дети.
Малыш, скажи, могу ли хоть мечтать,

Что ты отпустишь их играть на крышу,
Что будешь в детской открывать окно?
Уткнулся в цифры и меня не слышишь,
А я упрям и верю всё равно.

Пряха

Нам волшебный ковёр судьбы
Вьёт по ниточке пряха Жизнь,
Где все «если бы да кабы»
По ворсинке в одно сплелись.

В кружевную тончайшую вязь
Из желаний и замыслов нить
То спокойно, то, вдруг торопясь,
Ухитряется соединить.

Там надежды есть розовый цвет,
И потери легли, словно тьма.
Бескорыстной любви яркий след
И разлук сине-серых кайма.

Из горячих цветистых страстей
И речей незатейливых наших,
Где изысканнее, где грубей,
Пряха ткёт, её почерк размашист.

И далёк, и широк её взор —
Только лишь на большом расстоянии
Разглядеть сможем дивный узор,
Там, где нитки мы видели ранее.

«Скажите, в ЭТОМ магазине...»

* * *

Скажите, в этом магазине
Почём бриллиантовые зимы?
Почём янтарные закаты,
Что видел осенью когда-то?
Вон те жемчужные росинки,
Похожие на две слезинки,
Я здесь, за ширмочкой, примерю...
– Вам всё идёт.
– Да-да, я верю.

Скажите, чем мне расплатиться
За серебристый свист синицы,
За изумруд листвы весенней,
Что прибавляет мне веселья?
И золота в небесном блюде
Бесплатно можно ли коснуться?
– Да, да, у нас тут всё возможно,
Но только будьте осторожны.

Едва касаясь, без нажима,
Примерьте всё, пока вы живы —

Мы лишь на вынос не торгуем.

– Вот потому я и тоскую.

«Зачем преумножать страдания...»

* * *

Зачем преумножать страдания,
Печали, беды и терзания —
Уж лучше их делить на семь.
На семь ветров, на семь тропинок,
На семь цветов и радуг спины,
Чтоб растворились, нас покинув,
Совсем.

А счастье видеть рыжей точкой
И раздувать, как уголёчек
От негасимого костра.
Чтоб, превратив в большое пламя,
Носить, как радостное знамя,
И солнце пело вместе с нами
С утра.

«Чёрной скатертью застлано небо...»

* * *

Чёрной скатертью застлано небо,
В середине разлит Млечный Путь,
Звёзды – крошки вселенского хлеба
На рассвете кто может стряхнуть?

И по-прежнему людям неясно,
Для кого был накрыт этот стол,
Кто в короне созвездий прекрасных
Дочь Луну возводил на престол.

Кто планеты, как люстры, развесил,
И кому в синий ковш Водолей
Наливает, изящен и весел,
Росы чистых небесных полей?

Кто могучий, большой, неизвестный
Ставит ногу на вечный порог,
Зажигает гирлянды созвездий,
Украшает небесный чертог?

Кто кометы шутя запускает —

Пташек с длинным хвостом, но без крыл.
Астероидов радостной стае
В бесконечность кто двери открыл?

Кто заставил вращаться светила,
Нашу Землю кто выдумать смог,
Чтоб счастливая жизнь зародилась
Как космической песни итог?

Белый ветер

Я поймал белый ветер
И облеплен весь пухом,
Что украден был с веток
Майским влюбчивым духом.

Я впитал запах вербы
И черёмухи нежной —
Замираю, неверный,
Пред фатой белоснежной.

А увидев тюльпаны,
Не прождав и минутки,
В них влюбляюсь, но странно:
Не забыть незабудки.

Сто цветков – сто дилемм:
Очарован нарциссом...
Нет, я верен – но всем,
Кто весной бродит в мыслях.

Весенний шум

Рябина на лазурном фоне,
Подставив солнцу тонкий бок,
В мечтах о птичьем перезвоне
Капли пьёт бодрящий сок.

Дождя целительные слёзы
Стекают мягко по ветвям
Прелестной девушки-берёзы,
Открытой всем семи ветрам.

Изящная фигурка ивы
О листьях плачет у пруда,
Обнажена и молчалива
И беззащитно молода.

Ещё чуть-чуть – лесные сёстры
В такой оденутся наряд,
В такую шёлковую россыпь
И нежно так заговорят,

Что снегом сдавленные души
Расправятся до облаков
И будут впитывать и слушать
Звучащую везде любовь.

А уж, когда в беседу листьев
Вольются трели соловьёв,
Напев скворцов и свист синицы,
Рулады звонкие щеглов, —

Поймём, что всё это не снится:
Весенний шум пришёл к нам вновь.

«Не любит бедности красавица...»

* * *

Не любит бедности красавица —
На почку взор кидает царственный,
И чёрный клювик превращается
В лист изумруда беспрепятственно.

Короной ландышей увенчана
Весна – мечтательная женщина.
Глядит зелёными глазищами,
И короли с ней рядом – нищие!

Луговые цветы

Отчего я от счастья
Разрываюсь на части,
Как щенок на дворе?
Оттого, что ромашка
Вместе с клевером-кашкой
Показались в траве.

Оттого, что сирени,
Лиловея весенне,
За собою влекут
В необъятное лето,
В царство песен и света,
В жизни тёплую суть.

А нужна-то лишь малость,
Чтобы в сердце стучалась
Радость тёплым ключом:
Одуванчики в поле
Разлетелись на волю —
Так чего же ещё?

Уплывают печали:
Горечавка качает
Темно-синей главой
С жёлтой радостной точкой

В центре зыбкой, непрочной
Глубины теневой.

И в лазоревой выси
С ярким кругом лучистым
Точно те же цвета.
В васильках и душице,
В иван-чае пушистом
Есть небес красота.

Луговые, простые,
Не боюсь я простынуть,
Растянувшись в траве.
И звенит колокольчик,
Всё синее и звонче —
Детства добрый привет.

Хризантемы и розы
Любят гордые позы
В самых первых ролях.
Мне милее ромашки,
Да и сам я – букашка
В необъятных полях.

Наслаждаюсь неспешно
Каждым листиком вешним,
Каждой каплей росы...
А склюёт коли птица —
Мне сейчас же приснится

Неба звонкая синь...

За час до рассвета

Так хочется бродить по сонным улицам
И разгонять туман на небе палками,
Чтоб посмотреть на шпиль, там, где целуются
Корабль с луною: эх, не видно – жалко мне.

В саду Никольском разгулялись ясени,
В обнимку с ними ходят липы стройные,
Мечтают о возвышенном, ну ясно же,
Что разговоры их благопристойные.

Эх, ноченька, что ты со мною сделала,
Ночь питерская, светлая и странная:
Куда ни посмотрю – там запредельное,
Да и сама ты нынче так желанна мне!

Мосты, влюбившись утром, снова сходятся,
Атланты на Дворцовой не сутулятся:
Ведь ночью белой сладостна бессонница,
Туманом, как духами, дышат улицы.

«От Петербурга к Ленинграду...»

* * *

От Петербурга к Ленинграду,
Где с небом речь ведёт Нева,
Где чаек крик – моя отрада,
Весь день брожу по островам,

По строгим, как стрела, проспектам,
По выгнутым, как лук, мостам
И город мой, как мудрый лектор,
Знакомит с прошлым – не отдам

Судьбой дарованное место
В партере гулких мостовых,
Где ежедневно слышу вести
Ветров суровых от Невы,

Неугомонный зов волны,
И шёпот гордой старины.

Таинственный лес

Вместо серых хрущёвок, взглянув из окна,
Он увидел таинственный сказочный лес,
Лишь рванулся за дверь – и сошла пелена,
Весь волшебный пейзаж за секунду исчез.

А на следующий день лес явился опять,
И он прыгнул в окно, благо первый этаж,
Но успел лишь заметить, как листья летят,
И деревья мерцают, как будто мираж.

Лишь мгновение слушал, как пел соловей,
Как томительно страстно мотив выводил,
И отчётливо понял: жалей не жалей,
В новый мир не попасть в старом круге светил.

И зажил прежней жизнью, но вечно искал
За изнанкой обыденной серой канвы
Ту прозрачность, тот ласковый тёплый накал
Изумрудной, с прожилками солнца, листвы.

Но однажды в простом подмосковном бору
Он услышал знакомый чарующий свист,
И помчался вперёд, но трясина вокруг
Потянула безумца неистово вниз.

Вот по пояс, по грудь, подбородок поднял:
Будто тяжкие гири на дно волокут,
И почудился звон, словно чистый бокал
Отдавал ему гордый последний салют.

И стремительный конь показался вдали,
Вот он ближе и ближе, на помощь летит,
Чуть касаясь хрустальным копытом земли,
Выбивает победный и радостный ритм.

Вот становится рядом, и тот, кто тонул,
Смог забраться на спину лихого коня,
И загадочный лес их к себе притянул,
И вобрал в свою ширь, непрерывно звеня.

И слышался голос: мы рады тебе,
Много раз ты нас видел, пытался войти,
И руками срывал покрывало с небес,
Потому что лишь вера поможет в пути

В наш таинственный мир, где поют соловьи
О неслышной за будничным шумом любви.

Благодаренье

Закат безумствует над нами.
Сливается цветок костра,
Его оранжевое пламя —
С тем алым, что несёт заря.

За это дивное мгновенье,
За свет небесный и земной
Я говорю: «Благодаренье»
Тому, кто вечно надо мной.

Кто есть основа и причина
Тепла, заката и огня.
Кто создал реки и долины,
Кто бережёт всю жизнь меня.

За шум волны и птичье пенье,
Росу на травах поутру —
Я говорю: «Благодаренье,
За всё, за всё благодарю!»

Кентавры

Эскадроны рубили друг друга, и павшие люди,
Отделившись от тел, собирались в последний свой путь:
Кто-то в рай, кто-то в ад – непонятно, что с душами будет;
Ну а лошади, сбившись в табун, их пытались вернуть.

Закружили вокруг, предлагая скакать снова вместе,
С ездоками своими погибшими слиться стремясь.
Долго рыскали в поле, а после – ушли в поднебесье,
И летела на Землю с копыт от войны этой грязь.

В заповедном раю, на возвышенной альфа-Центавре —
Заливные луга под сиянием сказочных лун,
И не кони уже, а прекрасные ликом кентавры
Скачут счастливо вместе, и каждый божественно юн.

Сверху мальчик, а снизу – игривый смешной жеребёнок,
Наконец-то мечта о единстве на небе сбылась,
Обитающий в теле весёлый и чистый ребёнок
Лишь теперь сознаёт до конца эту вечную связь.

А когда он на землю вернётся для новых открытий
И опять кто-то в хаки погонит его на войну —
Он не станет с размаху рубить эти тонкие нити,
Меж людьми и конями не сможет порвать ни одну.

Постепенно поймёт, что и все мы – такие кентавры:
Разум держит поводья, а тело – норовистый конь.
На чернеющем небе увидит он альфа-Центавру
И мелькнёт, словно вспышка в уме: двуединых – не
тронь!

«Бежит по спутанным дорожкам...»

* * *

Бежит по спутанным дорожкам,
Всех умывая не нарочно,
Дождя стремительный галоп,
И капель крохотные ножи
На листьях выбивают дробь.

Семейка дружная лисичек —
Рыжеволосые сестрички —
Под струй весёлый перезвон
Друг друга тянут за косички,
Красуются со всех сторон.

Сияет белый груздь вальяжный,
Свой зонтик чистит рыжик важно,
Налился силой боровик,
И мухомор под шляпкой влажной
Скрывает свой довольный лик.

Всем дождь утеха и отрада,
А я – не гриб, мне солнце надо!

«Люблю смотреть я с грустью затаённой...»

* * *

Люблю смотреть я с грустью затаённой
Кино про бригантины и муссоны,
А в это время прямо за окном
Шальная жизнь опять несётся мимо —
Кобылкой молодой неутомимой
И ржёт беспечно – ей с меня смешно.

Ну что ж – имеет право, я не спорю,
И густо сыплю под компьютер порох
Из пенья птиц и запахов травы.
Пылающий тюльпан к нему приставлю,
И прыгну за окошко, вырвав ставни, —
В далёком поле ждёт меня ковыль.

Сосновая кора слезой смолистой
От радости заплачет, ну а листья
Берёзы станут ласково шептать:
«Мы так заждались, где тебя носило?»
Могучий дуб отдаст частицу силы,

И Бог в меня войдёт и благодать.

А неба нескончаемая милость
Дождя наложит тёплую печать.

Сиятельный август

Созрели колосья в полях, в ноги Августа гнутся,
А он по-хозяйски у яблока трогает бок,
Но облачком серым летит к нам предчувствие грусти:
Дождливый сентябрь скоро ступит на царский порог.

Как тихо печаль в души подданных ныне закралась,
Сиятельный Август.

Ещё славят птицы тебя, не уйдя караваном
От гнёзд опустевших на вечно приветливый юг,
Но тяжесть на сердце легла, хоть, казалось бы, странно:
Тепло и приятно, и ласково солнце – как вдруг

Один жёлтый листик внезапно крадёт эту радость,
Божественный Август.

С монарших щедрот даришь нам ароматные дыни,
И бархатный персик, и сладкий, как мёд, абрикос,
Но всё же земля по ночам как-то горестно стынет,
Не так беззаботны наутро полёты стрекоз.

Тобою дышу, обнимаю и тихо прощаюсь,
Мой царственный Август.

Малина

Неприметное мгновенье:
Лето, озеро, сосна.
Вдруг до головокруженья
Я вкус вечности познал.

Перезрелую малиной
Ты меня кормила с рук,
И смотрел на нас невинно
Дружелюбный солнца круг.

Но внезапно замер ветер,
Дрозд на веточке уснул.
Мы с тобой одни на свете
В неподвижности минут.

Как легко мне снова вспомнить
Этот бесконечный миг.
Всё застыло, даже волны,
Ради нас с тобой двоих.

Делим ягоду малины
В поцелуе пополам.
Сладко, медленно и длинно
Подчинялось время нам!

«В изумрудной траве мы глotalи медовые росы...»

* * *

В изумрудной траве мы глotalи медовые росы,
Наслаждались зарёй и друг в друге искали зарю,
А когда приходил час заката, мы звёздную россыпь
Запускали в наш сад светляками на чёрном ветру.

В ярких всполохах нежности, в промельках быстрых
объятий

Я отыскивал Млечный, к блаженству проложенный путь
И, как облако бурей, сдувал с тебя лёгкое платье,
Чтоб увидеть два плавных холма – белоснежную грудь.

Нас и месяц тревожить не смел, и луч солнца не падал,
Лишь в глазах твоих – чёрные дыры, влекущие свет.
Ты взорвёшься сверхновой и космос подарит в награду
Неразлучных двойняшек, как парочку шустрых комет.

И они полетят по вселенной на новых орбитах,
Каждый в небе найдёт свою пару – другую звезду,
И вернуться когда-нибудь к нам, поседевшим, забытым,

И пять маленьких спутников вместе с собой приведут.

А пока я срываю созвездий поспевшие гроздья,
И дарю их тебе в жёлтом блюде налитой Луны —
Этот мир чудаком и мечтателем сказочно создан,
И полны небеса, и с тобой мы друг другом полны.

«Рисуя облик твой в воображенье...»

* * *

Рисуя облик твой в воображенье,
Я не могу припомнить все черты:
Теряются улыбка и движенье,
Не помогает воли напряженье
Создать реальный образ из мечты.

Но я доволен зыбким силуэтом,
Хоть есть незавершённость, – что с того,
Щемит в груди от песни недопетой,
И в книгах недосказанность сюжета
Тревожит разум более всего.

Мне нравится непостижимость тайны,
Мерцающей, как в речке лунный свет,
Твой облик, то весёлый, то печальный,
То близкий, то неизмеримо дальний,
Ценнее, чем подробнейший портрет.

Картину пишет внутренний художник,
То здесь, то там кладёт на холст мазок.
Быть реалистом вовсе он не должен,

Глядит в минувшее сквозь серый дождик,
Пытаясь жадно насмотреться впрок.

Но, если б получилось окунуться
В машине времени в тот незабвенный год
И молодость вручили мне на блюде, —
От чётких линий предпочту вернуться
К игре теней, где только «недо» ждёт.

Где тёмное могу замазать белым,
Где овладел я ретушью вполне...
Быть молодым – опаснейшее дело,
Я был фотограф – быстрый, неумелый,
Не мог раскрасить жизнь на полотне.

«Нас холодильник примиряет...»

* * *

Нас холодильник примиряет
Покруче, чем иных – постель,
Когда в три ночи замечаем
В руках друг друга фрикадель.

Вы скажете, неромантично?
Поверьте на слово, друзья:
Кастрюльки звякают, как птички,
Порою слаще соловья.

Поют для нас виолончели,
Звезда стучится в окоём,
А виноваты – фрикадели,
Что съелись весело вдвоём.

И дворник шаркает метлою
Вокруг смеющихся берёз,
И я люблю тебя, не скрою,
У холодильника до слёз!

Ёж

Ёж спешил в свою нору,
Но свалился с горки вдруг
Вечеру.
Раскатилась возле пня
Клюква, что искал полдня —
Не поднять.
Зря тащил всё на спине,
Думает: обидно мне —
Скоро снег.
Упустил синицу ёж,
Что ж поделать, невтерпёж —
Не вернёшь.
А когда от слёз охрип,
Он случайно лапкой сшиб
Белый гриб.
И услышал в тот же миг
Журавлиный звонкий крик —
Курлык.
Глупо думать про запас:
Лес заботится о нас —
Сейчас!

Муравей

Решил однажды муравей
Поставить опыты со словом:
Сказал, что видел, как в траве
Комар тащил рога коровы,

А жук, легко подняв быка
Своими мощными усами,
Швырнул его за облака,
И бык пожаловался маме.

В лесу жить стало веселей:
Весь мир – большое представленьё,
Вот только начал муравей
Скрывать по дружбе преступления.

Мол, не лиса крала цыплят,
А волк повадился в курятник,
Чтоб прямо с жёрдочки цеплять
И в пасть свою метать на завтрак.

Но тут как раз пришёл медведь,
И наступил на муравьишку,
Тот начал жалобно сипеть:
Попасть под гору – это слишком.

А волк, обиженный лгуном,
Смеясь, подмигивал букашке:
Соври, что стукнуло пером, —
Глядишь, не будет так уж тяжко.

Легко обманывать чужих,
Но под медвежьей грозной лапой
Иначе видится вся жизнь,
И бедный муравей заплакал.

С тех пор он стал весьма правдив,
Но, если вытерпеть нет мочи,
То пишет сказки, подсветив
Цветком Луны глухие ночи.

Розовый слон

Розовый слон, в ярко-жёлтый горошек
Ходит повсюду, но виден лишь мне.
Взрослые всё изучают дотошно,
Но почему-то слонов этих – нет.

Хоботом вертит, и машет ушами,
И вперевалку пускается в пляс.
Что бы про серость слона не внушали, —
Я не поверю в ваш скучный рассказ!

Слон выступает степенно и важно,
Как же гулять нам вдвоём хорошо!
Можно забраться на спину отважно,
Хоть я ребёнок, но слон мой – большой!

Нет, я не выдумал, он настоящий —
Выше машин и чуть ниже домов.
Кто-то тихонечко скажет: мой мальчик,
Нету в природе в горошек слонов.

Просто не видели – так и скажите,
Я эту тайну без вас разузнал:
Розовый слон – уважаемый житель
В царстве, где звери сбежали из сна!

Мыш и Крот

Крот залез в нору Мыша,
Своровал зерна ушат
И грибы,
Сыра несколько кругов,
Хлеба семьдесят кусков.
Как тут быть?

Пили чай ещё вчера,
Коротали вечера
С камельком.
А сегодня старый друг
Со вкусняшками сундук
Взял тайком.

Мыш кричал:
– С каких же пор,
Мой сосед – коварный вор?
Не пойму!
Кто ворует у мышат,
Тех вообще нельзя прощать.
Никому.

Проливал потоки слёз,
Вытирал листочком нос
И молчал.

Нелегко пришлось друзьям:
Хохотать при нем нельзя —
Лишь печаль.

Но однажды мудрый Ёж
Так сказал Мышу:
– И всё ж
Не сердись.
Ты прощаешь для себя,
Чтоб по-прежнему любя,
Видеть жизнь.

Мышь подумал: если так,
Потерять еду – пустяк,
Проживём.
И ушёл из мыслей крот
В свой сырой подземный грот —
В чёрный дом.

У Мыша густая шерсть
И друзья, по счастью, есть —
Всякий рад
В гости вечером прийти
И мышонку занести
Лимонад.

.

Принимает Мыш гостей,

Много смеха и затей —
Чехарда.
У Крота в дому печаль,
Не идут к нему на чай —
Вот беда.

Не зовёт никто гулять —
Сам с собой играл раз пять
В домино...
Как бы прошлое вернуть,
Должен быть какой-то путь?
Нет, темно.

Мыш с друзьями верещит,
У Крота прокисли щи,
Высох джем.
В дверь стучит:
– Послушай, Мыш,
Может, всё-таки простишь?
– Я – уже.

Танец

Танцы прямо у обрыва
на краю —
Здесь награды суетливо
раздают.
Есть у каждого надежда
на успех,
Но медали, как и прежде,
не для всех.

Будет к ним жюри серьёзно
или нет —
Должен выйти грациозно
менуэт.
Должен стать предельно страстным
пасадобль
И ликующим от счастья
вальс цветов.

И под звуки южных песен
и дождя
Станет им неинтересно
побеждать —
Лишь бы верно ставить ноги
в ча-ча-ча
И танцующего бога

повстречать.

Капучино

Проснувшись утром, улыбнуться,
Поднять фарфор изящный с блюдца
И кофе выпить без остатка
И жизни – крепкой, пряной, сладкой.

Бывает, хочется всё бросить,
И к Богу пристаёшь с вопросом:
А можно не допить немного
И гущу горькую не трогать?

Чтоб только счастье без страданий,
Свидания без расставаний.
Но коль напиток не по нраву —
Найдёт Господь на нас управу,

И в жизни следующей получим
Не капучино с сортом лучшим,
А лишь обычную водицу —
Для недовольных пригодится.

Золотой

Трепещут на ветке листочки под ветром ненастным,
Зелёный – на пышном балу в одежонке простой,
Лист красный сверкает и знает, что он распрекрасный,
А жёлтый уверен, что, в сущности, он золотой.

И ветка под ветром кладёт и кладёт реверансы,
Лист красный сегодня кружится и с этой, и с той,
Невзрачный зелёный беспечно вращается в танце,
Но всех восхищает, конечно же, лист золотой.

Под шквалом жестоким срываются с ветки покровы,
Но листик зелёный остался ещё на постой.
С блистательно-красным расправился ветер сурово,
А первым под ноги прохожих упал золотой.

Бабушка осень

Осень – бабушка в жёлтых штиблетах
Укоризненно шепчет под нос,
Что внучок её с именем Лето
Только в шортах, а скоро мороз.

Он идёт босиком по привычке,
Улыбаясь простору небес.
– Баба осень, зачем тебе спички?
Подпалить, что ли, думаешь лес?

Это весело, мне бы согреться.
Ты ж не хочешь, чтоб я заболел,
А у бабки печально на сердце:
Тянет холодом с голых полей.

Зажигает старушка осины
Красно-рыжим волшебным огнём,
Это пламя не греет, и стынет
Её внук с каждым прожитым днём.

Словно мальчика Нильса из сказки
Унесёт на спине его гусь.
– Баба осень, спасибо за краски.
Не скучай, я однажды вернусь!

«Спрятались в туманы...»

* * *

Спрятались в туманы
Сосны-великаны:
Стройным караваном
В облако вошли.
Тени их обманны,
Очертанья – странны:
Рыцари в охране
Северной земли.

Выставив иголки,
Как мечей обломки,
Беспощадны ёлки —
Грозен их пикет.
Стриженные чёлки,
Острые заколки —
Всё вокруг примолкло
В дымном молоке.

Стражники не в силе —
И не защитили
Пения берёзы,

Шелеста осин.
Липы загрузили
Ветками пустыми,
И за что морозы —
Не с кого спросить.

Разрыдались сосны,
И дождинок россыпь
Падает с иголок,
Как из-под ресниц.
Солнечные косы
Утирают слёзы,
Но тихи и голы
Веточки без птиц.

Одиноко елям —
Клёны облетели.
Красный плед расстелен —
Тают голоса.
В яркой карусели
Недошелестели,
Можно лишь метели
Что-то досказать.

«Извини, дорогая, я сделался осьминогом...»

* * *

Извини, дорогая, я сделался осьминогом —
Отрастил кучу ног, чтоб ходить по морским дорогам,
Тут коралловый сад, рестораны с японской пищей,
Поддают в них креветки и рыбу, планктон – для нищих.

{Вспоминаю твой плов, у котла пригорело днище.}

Кровь во мне голубая, к тому же три мощных сердца.
Это очень удобно, ведь стоило оглядеться —
Целых три крупных рыбы красивой и яркой масти
Мне готовят стерлядок, короче – пылают страстью.

{Дорогая, пойми, в этом мире я просто счастлив.}

Но сегодня с утра, в сотый раз здесь поев стерлядки,
Стал оранжево-красным от этой дрянной раскладки,
Я всплываю к тебе, моя радость, иду на сушу,
Лишь сейчас осознал, до чего мы родные души.

{ Я сегодня съем всё, умоляю, не делай суши! }

А давай все кастрюли закинем в далёкий ящик —
Помнишь время, когда нам искусство казалось слаще?
Приготовишь на завтрак этюдов своих немного,
Я горячий сонет испеку – никакой изжоги...

{ Заказал для нас столик в «Сиреневом Осьминоге» }

Сонет о женской красоте

Я победил немало львиц,
Пантер, тигриц и даже пуму —
Все пали пред героем ниц,
Но вот лукавый надоумил,

И я, безумец, как-то раз
Пошёл на самку человека —
Сражённый взглядом серых глаз,
Рабом послушным стал навеки.

Живу в дурманящем плену
И вырваться не желаю —
Весь мир готов перевернуть
Для той, кто взором побеждает.

Что с женской красотой сравнится?
Сильней пантер, опасней львицы!

Зимнее солнцестояние

Прирастают дни уже минутами
И летят весне навстречу с песней.
Нужно кокон темноты распутывать:
В летнем черноземе он исчезнет.

Свет на убыль с той поры покатится,
А когда умчатся птичьи стаи —
Ясных дней серебряное платье,
Распустившись, зимним снегом станет.

Предновогоднее

Нам дарит щедрый Дед Мороз,
Среди сияния огней,
Под Новый год особый час —
Такой любимый и заветный,
Когда мы думаем всерьёз
О том, что нам всего важней,
То огорчаясь, то смеясь,
Листаем лучшие моменты.

И представляем яркий кадр,
Где в январе пойдём в спортзал,
Не будем злиться без причин,
Возлюбим искренне домашних.
По-новому настроив взгляд,
Увидим сор в своих глазах,
А про чужие мы смолчим,
Плывут их брёвна в день вчерашний.

Но всё останется в мечтах:
Не станем бегать мы в метель,
Поняв, что пыл уже угас,
Не вспомним наших обещаний.
Ведь сделать самый первый шаг,
Покинуть тёплую постель —
Возможно именно сейчас,

Без круглых дат и ожиданий —

Хотя бы, выйдя в зимний парк,
Украсить шариками ель,
И Дед Мороз на этот раз
Исполнит наших три желанья!

«Заметали след метели...»

* * *

Заметали след метели
И сугроб до неба рос,
Свет сочился еле-еле,
А в далёком Вифлееме
В эту ночь пришел Христос.

И на маленькой планете
Сразу сделалось теплей,
Словно быдохнуло летом,
Нежной музыкой и светом
От заснеженных дверей.

Мать младенца обнимала
И печалилась слегка,
Укрывала одеялом.
Ей казалось: жизни мало,
Чтоб сыночка приласкать.

Бык согреть его пытался,
Серый козлик невзначай
Пятки розовой касался,

Даже ослик постарался:
Колыбель Христа качал.

Потому что мягким светом
Заполняла утлый кров,
Вифлеем и всю планету
Нежно, тихо, незаметно
Безграничная любовь.

«Все ёлки и блестящие шары...»

* * *

Все ёлки и блестящие шары,
Игрушки, мандарины, конфетти,
Все блёстки разноцветной мишуры,
Хлопушек треск, летящий серпантин,

Все чистые желания детей,
Рождественских подарков сладкий вкус,
Всю радость и надежду для людей
Принёс когда-то маленький Иисус.

И если вдруг представить лишь на миг,
Что не родился или не воскрес,
То был бы этот день скучнейше тих,
И очень не хватало бы чудес!

Свеча

В холодеющем просторе
За окном дремучий лес.
Там деревья чёрным морем
Бьются в дом, как в волнорез.

Там всё сумрачно-угрюмо,
Там мороз и цепкий мрак,
И стучатся ветки грубо,
Словно пьяницы в кабак.

Люстра гонит прочь печали,
Чай с малиною готов,
Телевизор заглушает
Вой протяжный из кустов.

Но когда бродяга ветер
Зацепил плечом сосну —
Разорвала где-то ветка
С лёту ниточку одну,

По которой ток весёлый
Проникал в уютный дом,
И погас, застыл посёлок,
В неустройстве ледяном.

А густая темень быстро
Стала течь со всех щелей
В дом, как в полуую канистру,
Ветер ахал: «Лей же, лей!»

Зажигаю хрупкой спичкой
Одинокую свечу.
Давит сумрак с непривычки,
Зябко ёжусь и молчу.

Под щемящий шелест ветра
Мысли входят не спеша,
Что простая свечка эта —
В сущности, моя душа.

Скачут тени, свет неяркий,
Это внутренний мой свет —
Жалкий маленький огарок —
Что ж с того, другого нет.

Ночь минует, день настанет,
Солнце хлынет в дом, лучась —
Лишь во время испытаний
Зажигается свеча.

Лишь во время неурядиц
Замечаю свет внутри,
Хорошо. В таком раскладе —
Ветер, дуй, свеча, гори!

«Когда же сквозь тучи пробьётся...»

* * *

Когда же сквозь тучи пробьётся
Хоть малый птенец золотой
От ясного сокола солнца,
Парящего над головой,

Чтоб стало тепло и уютно
Кувшинкам в уснувшем пруду
И пели скворцы поминутно
О счастье в весеннем саду?

Нам так не хватает горячих
Объятий небес в хмурый двор
И рыжей медали удачи
Для вылезших к свету из нор.

Просыпьте лучистую нежность
На скатерть холодных полей —
И листья расправит подснежник,
И мы затоскуем острее

О жёлтом фрегате в безбрежной

Лазури небесных морей.

«А лес так свеж и так прозрачен...»

* * *

А лес так свеж и так прозрачен,
Промыт до веточки насквозь,
Как будто в этом настоящем
И не было осенних слез.

Как будто только что родиться
Всем довелось: забыв слова,
Молчат нахохленные птицы,
И тихо дремлют деревья.

Но говорят: «Агу – я тут» —
На каждый обогревший лучик,
И солнце – папа самый лучший —
Кладёт младенчиков на грудь.

А из сосков налитых туч
Текут живительные струи,
И лес по капельке, ликуя,
Их пьёт и пьёт, ведь он живуч!

И подрастая час от часу,

Он быстро набирает стать,
И начинает лопотать —
Пока с запинками, не сразу.

Но с каждым днём все громче шелест
Болтливой радостной листвы,
Жужжат на сладкое нацелясь
Жуки и пчёлы средь травы.

И неуступчивый подросток
На завтрак чистые пьёт росы,
Салфеткой ветра сушит губы,
И всем показывает удаль,

Достав почти до облаков,
Он, юношей зеленоглазым,
Впервые чувствует любовь,
И всё в нем закипает разом.

Лес дарит первые цветы
Охапками, горстями, грудой.
Ковры прекрасные плести
Он быстро учится – он любит.

И звонким голосом ручьёв,
И пением рассветной птицы
Он постоянно про любовь
Твердит, и не наговориться.

И этот гомон, свист, задор,
Чижей заливистые вирши
Опять закончатся гнездом
Под крепкой шелестящей крышей.

9 мая

Его накрыло артобстрелом —
Издали лишь видел фрицев,
В окопчик мина залетела —
И кровь горячая дымится.

А был для матери опорой —
Всю жизнь сыночку отдавала.
Солдатский путь прошёл он споро
И сделал для победы мало,

Провоевав всего неделю
В свои шальные восемнадцать...
Он так мечтал о жарком деле,
Но довелось с землёй обняться.

Случилось всё нелепо, глупо,
И есть ли толк от этой смерти?
Но шепчут рядом чьи-то губы:
«Я вытащу, браток, дотерпишь!»

И руки сильные медбрата
Его тащили в плащ-палатке.
Белели стены медсанбата,
Хирург, шатавшийся с устатку,

Сказал, осколки вынимая:
«Легли впритирку рядом с сердцем —
Не дотянул чуток до рая,
Сумел ты, парень, отвертеться.

Отныне жить обязан долго...» —
К нему неслось, как через вату.
А он припомнил дом на Волге,
Когда мальчонкой, не солдатом,

Лежал под солнцем в огороде
И слушал с неба птичьи трели,
Гудели низко пароходы,
Не кровью пахло, а сиренью...

Пять долгих месяцев медсёстры
Его от смерти отводили.
Весёлый, синеглазый, рослый —
Нельзя ж такому лечь в могилу.

И вот залатанный, счастливый
Врачей он обнял на прощанье.
Гудел шофер нетерпеливый —
Солдат писать всем обещался.

Успеть на фронт до ночи надо.
Запрыгнул в кузов, чуть отъехал —
Вдруг в небе юнкерсов армада...
И сразу стало не до смеха:

Раздался бомбы свист противный —
Полуторка взлетела в воздух...
Медсёстры плакали надрывно,
И слёзы сыпались, как гроздь.

«Добрался всё-таки до рая!» —
Пробормотал хирург сердито.
Швыряет смерть, не разбирая,
Счастливицков в ряды убитых.

Мать похоронку дочитала,
Глаза отчаяньем пролились:
Любовь не отразила стали.
Война не знает слова «милость»,

Ей недоступно состраданье,
Поступков людям не разведать —
Одно лишь точно: страшной данью
Была оплачена победа.

«Когда под утро сгорают звёзды...»

* * *

Когда под утро сгорают звёзды,
Как будто зодчий сметает пыль,
Их свет на травы летит и россыпь
Ложится каплями на ковыль.
Ни звук, ни шорох не тронет душу,
Лишь еле слышно растёт цветок,
Что было тайным – спешит наружу,
Впитав прохладной росы глоток.

Без тяжких скрипов и без усилий
Планета крутится на оси,
Ночной цвет неба меняет синий,
Бутон закрытый готов цвести.
Из нежных почек выходят листья,
На месте завязи светит плод,
И бок зелёный под солнца кистью
Нальётся красным уже вот-вот.

Большое чудо по белу свету
Ступает тихо то здесь, то там.
Растут деревья, взрослеют дети

Без громогласных «та-да-да-там!»
И одуванчик головкой нежной
Легко взрывает сухой асфальт.
Чудес не слышно, но их безбрежность —
Необъяснимый, но точный факт!

Сказочник

Мы завтра свой путь продолжим навстречу туманным
далям,
Под дудочку крысолова, размеренный скрип седла,
Старинную сказку вспомним, вдохнём зверобой и ягель,
Поймём, что не зря дорога нас в сумрачный лес вела.

Настигнет холодный вечер в конце неприметной тропки.
Усталых коней стреножим и кружки сполна нальём.
Глаза в темноте – не шутка, но сказочник – не из робких,
Фантазией мрак развеет, пропев нам о дне быллом.

И песен до света хватит, и хватит чудных историй,
Где есть и любовь, и битвы, и шёпот заморских трав,
Мерцающая над чёрной чашей, луна неустанно вторит,
Что как бы там жизнь ни вышла, но тот кто добрее – прав.

А те, кто парят над миром, – на завтра уходят в штопор,
И рвётся душа от боли, кидаясь за ними вслед,
Но сказка волшебной нитью умеет печали штопать,
И новые ждут дороги, и новых миров рассвет.

Когда под покровом ночи нагрянет крылатый ящер,
Шипастым хвостом нацелясь разбить наш непрочный
дом,
Достанем стихи из ножен, как меч в темноте горящий,

И сказка щитом послужит от древнего зла кругом.

Июнь

Бежим, как будто два вольных ветра,
Рука в руке,
Небесный купол, прозрачно светел,
Дрожит в реке.

Вода, как зеркало, серебрится,
К себе влечёт.
Мы, отражаясь, теряем лица
И вот ещё —

Я вместо рук обретаю крылья,
А вместо ног —
Две птичьих лапки несутся в пыльной
Кайме дорог.

А у тебя вместо гладкой кожи —
Чешуйки звёзд,
Летит, на серпик луны похожий,
Изящный хвост.

И ты ныряешь, а я взлетаю
На всём бегу.
И две фигурки тихонько тают
На берегу.

Они всё дальше, а нам всё ярче
Горит июнь,
И я не знаю, кто настоящий, —
Мой сокол юн.

И рыбка резво по волнам мчится —
Совсем малёк.
И наше солнце теплом лучится,
И долг срок.

«Солнце августа всё ещё грозно...»

* * *

Солнце августа всё ещё грозно
Прожигает лучами насквозь,
А ночами далёкие звёзды
Проступают глазами стрекоз.

Излучая нездешнее пламя
На исходе горячего дня,
Овевают своими крылами
И печально о чём-то звенят.

Не сожгут, никого не согреют
Эти жители звёздных полей,
И созвездие Лебеда реет
Ближе к осени всё тяжелей.

Меньше птичьего гомона в рощах,
Холоднее под утро роса,
Темнота затвердела, и проще
Белой птице парить в небесах.

А сады тяжелеют плодами

И на ветках, как звёзды, висят
Сотни яблок, но не опадают —
Лишь когда в небесах звездопад

Их томительно тянет сорваться
И на тёплую землю слететь.
Лето в быстром космическом вальсе
Устремилось в последнюю треть.

«Бледно-жёлтый свет луны лился на поляны...»

* * *

Бледно-жёлтый свет луны лился на поляны
И в окно твоё смотрел, и скользил по стану,
Мягко шею обнимал, нежно гладил очи —
Мне бы месяцем побыть этой ясной ночью.

Расскажу про млечный дым, про шальные звёзды
И, серебряным лучом рассекая воздух,
В ухо девичье шепну про галактик стаи.
Хочешь, я тебе одну из ковша достану?

Хочешь, тучи разгоню, просочусь в оконце,
Жаром душу опалю, как ночное солнце?
Или лунным ветерком волосы приглажу...
Улыбнёшься ты с утра и не вспомнишь даже,

Как горел всю ночь без сна месяц в изголовье —
Может, этот мягкий свет и зовут любовью?

«Хотела ты, чтоб стал я как родник...»

* * *

Хотела ты, чтоб стал я как родник —
Кристально чистым, заповедным, звонким.
Всё получилось в лучшем виде, только
На жарком летнем солнце я поник.

Но вдруг услышал: «Будь же как ручей —
Игривым, и стремительным, и страстным!»
Я стал ручьём, и было б всё прекрасно,
Но высох я, оставшись без дождей.

И ты сказала: «Становись рекой —
Широкой, необузданной и сильной!»
И воды заструились изобильно,
И к морю оказался я влеком.

Ты восхитилась: «Будь навеки морем —
Безбрежным, неохватным, штормовым...»
Вот только оказалось, что живым
Остаться трудно в пляшущем просторе.

За горизонтом исчезают лица,
Нет ориентиров и потерян курс,
Воды солёной неприятен вкус.
«Ты б мог в родник обратно возвратиться?»

Стать снова пресным, маленьким и чистым,
Едва заметной струйкой из земли?»
Но плавают киты и корабли
В бескрайнем океане чувств и мыслей.

«Мягко укрыл дороги...»

* * *

Мягко укрыл дороги
Пёстрый ковёр листвы.
Время подбить итоги:
Всё сочтено, увы.

Тем, кто весной родился —
Осенью увядать.
В этом к уставшим – милость,
Тихая благодать.

Голые стонут ветки —
Плача их не жалей.
Будет весенний ветер
Ласково дуть с полей.

Будет трава на поле
Шёлкова и юна.
С гулом помчатся пчелы,
Выпьют цветы до дна.

Только вот дуб зелёный,

С птицами в голове,
Вспомнит ли свежей кроной
Жёлто-багряный свет?

Что ждёт стрекоз беспечных
В радостный майский день,
Если осенний вечер
Бросит на память тень?

К счастью, на новом круге
Из прошлогодних снов,
Из темноты и вьюги
Выживет лишь любовь.

Осенняя симфония

Мне шум листвы и барабаны капель,
Протяжный ветра вздох и стон ветвей
Звучат симфонией, где вместо флейт —
Далёкий вой тоскующей собаки.

Скрип двери, половиц и старых лестниц
Певучей скрипкой проникает в мозг.
Расплакался каскадом синих звёзд
В своей небесной ложе жёлтый месяц.

Как руки дирижёра, ветки клёна
Летают вверх и вниз наперебой,
И яблоня, довольная игрой,
Свои плоды роняет благосклонно.

И хлопает, и требует на бис
Негромкий хор заснувших было птиц.

Три сына

Было сына три у честна отца.
Первый сын – Июнь – самый маленький.
Юн ещё совсем и красив с лица,
Загорать любил на завалинке.

Ну а средний сын стройным парнем был,
Звался он Июль – ох, несдержанный.
Если что не так – баламутил ил,
Он привык, чтоб всё шло по-прежнему.

Чтобы щукой плыть и лететь пчелой,
Над густой травой, над нескошенной.
Или, став орлом, падать вниз стрелой,
На овечий пир – гость непрощенный.

Ну а третий сын – был достойный муж,
С бородой большой цвета колоса.
Август звался он, и могуч, и дюж,
Песни петь любил звонким голосом.

А под песни те он красны плоды
Собирал с дерев с наслаждением —
Угощал родных, вёл друзей в сады,
Рядом с ним всегда пир с веселием.

Раз позвал отец всех троих сынов
Сослужить ему службу ратную:
Победить кошмар беспокойных снов —
Королеву туч беспощадную.

Где пройдёт она – позади печаль,
Под дождём поёт песни грустные.
Колдовским огнём любит привечать,
Поджигать леса им без устали.

Тут поднялись в ряд три богатыря,
Чтоб помочь отцу – Солнцу ясному.
И пошли войной против Сентября,
Тот осенний сын жил ненастями.

Одолел Июнь только тридцать миль,
Дал Июлю меч он свой пламенный.
Но сгорел Июль, превратившись в пыль,
Вышел Август-сын с жёлтым знаменем.

Тут уж грянул бой поднебесных сил,
До сих пор война, да не шуточна.
Но силён сентябрь – всех врагов сразил,
И уходят ввысь стаи уток.

Их ведут с собой вожаки на юг,
Видел нынче трёх братьев-селезней —
Громкий клич издав, от дождей и выюг,
От осенней тьмы в небе стелются.

Калина

Склоняют красную калину
Ветра к земле,
И ливни тоненькую спину
Секут во мгле.

Под взглядом солнечным лучистым
Перестают —
И сразу вспыхивают кисти
И там и тут.

Октябрьский убор калины
Красив, как сон.
В лиловый цвет и в цвет малины
Преображён.

Но раздевает ветер страстно
И второпях.
Слетает вниз наряд прекрасный,
Слетает в прах.

Средь ёлочек вечнозеленых,
Как сирота,
Стоит коленопреклонённо
Не в том, не та.

Кто в грустной участи повинен —
Ей невдомёк.
Но распрямляется картинно
И в нужный срок

Осыпавший внезапно крону
Блестящий снег
Наденет гордо, как корону, —
На зимний век.

Колумб

Готовится эскадра в море,
Дурманит приключений запах:
Пойдем на судно Христофора —
Он завтра поплывет на запад!

На путешествие Колумба
Дала бриллианты королева:
Он к вечной славе держит румпель —
Сбежим на деньги Изабеллы!

Найдём другие континенты,
За хвост подергаем удачу —
Здесь точно ничего не светит,
А там всё может быть иначе.

Отцом лишённые наследства,
Мы потеряли цель и веру.
Давай забудем годы бедствий
И превратимся в кабальеро!

Мечом возьмём свое богатство,
А может быть, найдём погибель —
Неважно, главное пробраться
Матросами на грозный клипер!

Ты видишь: солнце красит парус,
И выются над кормою чайки.
Решай, но здесь я не останусь —
В порту эскадра не случайно!

Ты слышишь: в сказочном Гаити
Тревожно в бубен бьют шаманы —
Колумб, ещё не знаменитый,
Набрал отличную команду!

Южный Крест

Рассерженная лапа океана
Легко швыряет в бездну корабли,
Их путь – на дно тропюю Эридана
За гордое презрение земли.

Под горький дым последней папиросы
Заглянем Вездесущему в глаза,
Пока суровые, как шторм, матросы
По палубе взбесившейся скользят.

Остались нерешёнными вопросы.
Ухватимся покрепче мы за реи.
Над головами мудрый Змееносец,
И с трона смотрит вниз Кассиопея.

Услышать бы лай Псов и поступь Волка
Под ветра рёв и собственные крики,
И отыскать спасения иголку
Сквозь Волосы прекрасной Вероники.

Жить нам иль нет – решает провиденье,
Свой суд верша в созвездии Весов.
Зачтутся нам и храбрость, и терпенье,
Но не осталось больше Парусов.

Покуда впереди есть хоть мгновенье
И горы волн вздымаются окрест,
Нас с неба осенить благословеньем
Успеет на прощанье Южный Крест.

«Горячее солнце ложится на море...»

* * *

Горячее солнце ложится на море,
К зелёной груди жёлтый лик свой клоня,
И мечутся птицы на синем просторе,
Любуясь с небес угасанием дня.

Они зачарованно ждут перехода
От ясного света в густеющий мрак.
У всех на глазах засыпает природа,
Умолкли актёры, окончен спектакль.

Но солнечный заяц наутро раздвинет
Тугие портьеры большой головой,
И ловко подпрыгнув из аквамарина,
Ухватится бодро за фон голубой.

Опробует струны цветочные ветер,
Актёры проснутся, послышится гам,
И утренний лучик хрустального света
Ночную печаль бросит тенью к ногам.

На сборе всей труппы солисты с волнением

Начнут перебранку за главную роль,
Им солнечный заяц подаст угощенье,
Все будут довольны привычной игрой,

Лишь бойкий воробушек, сбросив смущенье,
Воскликнет, что нынче он – птичий король!

«Пегас подковы не теряет...»

* * *

Пегас подковы не теряет —
Поэты зря забыли сон.
Копыта в воздухе мелькают,
Но лишь немногим слышен звон.

Несётся тенью меж мирами,
И взмах крыла его горяч:
Под правым вспыхивает пламя,
И слышится под левым плач.

Сын Посейдона и Горгоны,
Дитя морских могучих тел,
Едва родившись, без разгона
Стрелою в небо полетел.

Его трепал по холке Пушкин,
Есенин гриву заплетал,
Был Пастернака другом лучшим,
А мне сказал: «Уйди, нахал!»

Не отстаю, вослед таскаюсь,

Поймать пытаюсь ритм подков.
Заржал Пегас под облаками,
Махнул крылом и был таков!

Первый снег

Питер спит под тоненькой накидкой —
Видно, он свои простуды лечит
Белой шалью, обхватившей гибко
Невских крыш натруженные плечи.

В чисто крахмаленной постели
Сон ему загадочный приснился:
В нём он стал под пение метелей
В белое одетым юным принцем.

Спят атланты в шапочках пуховых,
Спят дворцы в торжественных ливреях,
Спит собор в искристой ризе новой,
В белых платьях липы спят в аллеях.

Слишком долго, хмур и неприветлив,
Питер ждал с небес невинной ласки,
Но сегодня утром стал он светлым,
Как в конце старинной доброй сказки.

Дороги души

Душа поёт по собственным законам —
Юрист не знает, чем она жива.
И не помогут веские резоны,
Казённые и скучные слова,
Чтоб струны сердца тихо отвечали,
То радостью, то болью и печалью.

Везде как стены – жёсткие запреты,
Чтоб кто-нибудь не вздумал улететь,
Вот только души этим не задеты —
Их тянет сладкий пряник, а не плеть.
В иных мирах парят они привольно,
Как птицы над высокой колокольней.

Рисует в тесной комнате художник
Картину с парусами вдалеке,
Поэт, случайно вышедший под дождик,
Слагает стих о солнце и песке,
И хочет музыкант, расставив ноты,
Сыграть мотив орлиного полёта.

Закон прекрасно знает про нельзя —
Искусство, в запредельности скользя,
Исследует границы, где возможно,
А это всё прекрасно, зыбко, сложно —

Не разделить на строгие «да», «нет»
Мерцающий волшебный божий свет.

«Когда, скорлупки растолкав...»

* * *

Когда, скорлупки растолкав,
Рождается скворчонок
И над ближайшим озерцом
Готовится в полёт, —
Не понимает он пока,
В тени огромных ёлок,
Что небо – новое яйцо,
И нужно белый свод

Пронзать с восхода до зари
Весёлой звонкой песней,
Клевать ночами зёрна звёзд,
Выискивая брешь,
Чтоб как-то утром, воспарив,
Нечаянно воскреснуть
В иных мирах, среди новых гнёзд,
Где ветер прян и свеж.

А там опять стремиться ввысь
И раздвигать границы,
И клювом радостно стучать

В сияющую твердь —
Разбив, на волю унести,
Чтоб снова возродиться
Весной, в начале всех начал,
Забыв про слово «смерть».

Её ведь нет – лишь тень яйца,
И песни в небе без конца.

«Запоздалое зимнее утро...»

* * *

Запоздалое зимнее утро,
Солнце вышло на красный порог —
Подсветив облака перламутром,
Ставит ногу в небесный чертог.

Как король, преисполненный властью,
Величаво и плавно идёт.
Тучи держатся подобострастно,
Суетлив их стремительный лёт.

Заслоняют широкие спины
Золотое лицо короля,
И тоскует, ни в чём не повинна,
Без монаршей улыбки земля.

А придворные царское злато
Разменяли, лихие нутром,
И швыряют нам жалкую плату,
Покрывая поля серебром.

Прощёное воскресенье

Прости меня – и я тебя прощаю:
Не радуют ни завтрак, ни восход,
Пока внутри, как червячок печальный,
Обида затаённая живет.

Христос не помнил зла своим убийцам —
Неужто нам, целёхоньким с утра,
В костюмы судей следует рядиться —
Уж лучше в перья лёгкие добра.

Чтоб не стесняла мантия движений,
Не жёг руки судейский молоток,
И мы могли легко и вдохновенно
Скакать по жизни, как скворцы: прыг-скок.

Взлетать на ветку, пёрышки разгладив,
Устраивать концерты для подруг,
Пока судья стучит, как строгий дятел,
Своё неоспоримое тук-тук.

Как скучно обличать нетерпеливо,
Иметь прямой, как лезвие, язык —
Прощаю всех, чтоб воробьём счастливым
Пропеть: «Я вас люблю – чирик-чирик!»

Гефсиманский сад

Душа моя скорбит смертельно.
Не спите, бодрствуйте со мной
Под Гефсиманской стилой сенью,
Такой давящей и немой.

Сомнения слетают роем,
И странно холодно в груди.
Пытаюсь сердце я настроить
На испытанья впереди.

Листы деревьев, словно бритвы,
Несут предчувствие креста,
А сад вокруг – как поле битвы,
И за любовь я должен встать.

Друзья мои, побудьте рядом
Среди безжалостных олив.
Прошу как высшую награду —
Молитесь, душу укрепив.

Хочу последний раз согреться
Теплом горящих ваших глаз.
Ах, как щемит сегодня сердце,
Тоска какая разлилась!

Мой Авва, ты – владыка жизни.
Я знаю миссию свою.
Но выслушай без укоризны:
Любимый Отче, я молю —

Страдания и смерти чашу
Сегодня мимо пронеси.
Я не готов, Отец, мне страшно,
Хотя прости меня. Прости.

Тобой начертана дорога
Моей судьбы сквозь времена,
Чтоб шли за мной в объятия Бога
Все те, на ком лежит вина

Непослушания Адама.
Последней ночью не до снов.
Вернусь к Петру и Иоанну,
Мне так нужна сейчас любовь

Апостолов – огонь молитвы
Растопит ночи немоту.
Но спят они. Должно быть, битву
Один со смертью я веду.

На горестном пути к Голгофе
Кто отречётся, кто предаст.
Вот факелы идут. Готовьтесь,
Друзья, пробил разлуки час.

От губ предательских Иуды,
От блеска шлемов и щитов
Я не укроюсь. Эти люди
Не ведают. А я – готов.

Третья сила

Между папой и мамой – ребёнок.
Он не знает, где чья сторона.
Нас ручонками ищет спросонок:
Победит третья сила. Одна.

Проникает в просветы и паузы
Третья сила меж чёрным и белым.
Разве можно ребёнку указывать
Только право любить или лево?!

Летний дождь сблизил землю и небо,
И они разыгрались, шутя.
Породила короткая нежность
Семицветный мосток – их дитя.

Мягкий мох под камнями огромными,
Пенье птицы над сумраком леса,
Солнца луч меж ветвистыми кронами —
Третья сила в суровых процессах.

Две стихии воюют друг с другом,
Но их битва глупа и смешна:
Верх одержит не чья-то натуга —
Третья сила. Любовь. Тишина.

Песенка менестреля

Я б украл тебя давно, когда бы не
Знатный рыцарь твой на белом скакуне,
Приподняв своё разящее копьё,
Так не целился в ничтожество моё.

Ты скажи ему, что я лишь посмотреть —
От него ведь не убудет, правда ведь?
Ты скажи, что я безвредный, словно жук, —
Пожужжу совсем чуть-чуть и ухожу.

Ты скажи, что я мечтатель и чудака,
Что одет я кое-где и кое-как,
И прорехи на моей худой спине
Несравнимы с блеском стали на броне.

Что в руках держу лишь жалкое перо,
Не жар птицы, а гуся, что я – зеро,
Дым, пустышка, лёгкий морок и обман.
А потом скажи, что я судьбою дан.

Что со мной тебе открылись небеса,
Звонче птицы и прозрачнее леса,
Что становимся мы целым лишь вдвоём —
Говори уже скорее и пойдём.

Солнце с собой

Мы с тобою пришли из далёкой земли,
Где всегда светит солнце и птицы поют,
В этот город, где серые стены сплели
Обитателям каменный мрачный приют.

Но в глубоких колодцах доходных домов,
Где сырая печаль, где прохлада и мрак,
Умудряемся мы не забыть про любовь:
Наше солнце – внутри, без него нам никак.

Наши птицы за нами летают вослед,
И куда б ни забросил судьбы поворот,
Звонкий хор ограждает от горя и бед,
И сияет нам солнце весь день напролёт.

«Заблудился я где-то в созвездье Весов...»

* * *

Заблудился я где-то в созвездье Весов:
Всё что видят, здесь ставят на кон.
И на Чашу кладут то Закон, то Любовь,
Тяжелее обычно Закон.

Я ищу узкий ход из суровых миров:
Справедливость – опасный вопрос.
Мне бы нужно свалить в царство огненных Львов,
Побежать по спиральям вразнос

В мир, где можно не взвешивать – просто гореть,
Обдавая теплом всех подряд,
Но усыпан мой путь пеплом бывших комет,
И опять из-за Львов – звездопад.

«Разлеглись прошлогодние листья...»

* * *

Разлеглись прошлогодние листья
Бурой кляксой на свежей траве,
Золотой утюжок гладит быстро,
Но в костюме из зимней химчистки
Эти пятна – прощальный привет

От былой красоты многоцветной,
Что по осени тешила взгляд;
Трепетала, кружилась под ветром,
А сейчас отдает нам посмертно,
Острый, пряный, хмельной аромат.

И вдыхая его полной грудью,
Подставляясь под солнца лучи,
Мы легко и блаженно забудем
Про обноски из прожитых буден,
Только с грустью в душе помолчим

Обо всём, что уже отгорело,
Как костёр прошлогодней листвы,
А на розовой вербе несмело

Почки рвутся, и птицы запели
О счастливой и новой любви

Чёрный лев

Спустилась ночь, в руке моей – свеча.
Колышутся изломанные тени —
Свеча в холодном мраке горяча,
Лишь в ней одной нет у меня сомнений.

Как иллюзорны очертанья крыш
И облаков причудливых громады —
А ты один средь призраков стоишь,
Выискивая то, что было правдой,

Когда лучился белым светом день
И прыгал без стеснения в оконце
И не смущала маленькая тень
Руки от веселящегося солнца.

Всё было просто с выбором пути:
Добро сияло, зло сгущалось к ночи,
И не хотелось всячески юлить,
Соединяя сразу много точек,

Лежащих между этих королевств
В цветном и переменчивом тумане,
Где бродит величавый чёрный Лев
По медной скатерти у Пиросмани.

Мне от него – то радость, то печаль,
Я чую грозный рык в безмолвной пасти,
А Лев, сверкая бронзой, смотрит вдаль —
В текучей неподвижности прекрасен.

Звездопад

Бог создал землю за неделю,
Всю вечность из семи ночей
Семь ангелов огонь свечей
Несли, и как они горели!

В них был неяркий луч восхода
Над бирюзовою водой,
Робеющий, и вдруг – густой,
На радость зябнущей природе.

В них был огонь в глазах Адама,
Когда он Еву разглядел,
Лишь звёзды в тёмной пустоте
Сияли холодно и прямо.

Тогда творец в цветные бусы
Из неприкаянных миров
Подбросил тёплую, со вкусом
Корицы с яблоком, любовь.

Среди бездушного простора,
С заката солнца до зари,
Любовь летает метеором,
И хвост приветственно горит.

Как только в ней нужда настанет —
Срывается, пронзая ночь,
Во всём пытается помочь,
И нету для любви дистанций

В её попытке донести
Надежду одиноким людям.
Ведь счастье непременно будет.
Успела загадать? Летит!

Бабье лето

Прощальный привет из лета
Осеннюю греет синь.
Оранжево-красным цветом
Зарделась листва осин.

Дождинки висят, как слёзы:
Вся женская хитрость – в ход.
Витают вокруг берёзы
Потоки печальных нот:

Хоть кто-нибудь, пожалейте —
Теряем мы свой наряд,
Но только норд-ост на флейте
Гудит на минорный лад.

Как сладко в его объятьях —
То ласков, а то жесток,
И осень, сняв в танце платье,
Стыдливо хранит листок.

Раздетая, выйдет к людям,
Поманит своим теплом
И тут же дождём остудит
Доверчивым – поделом.

У рыженькой этой дамы
Есть в каждом кусте скелет,
Но всё ещё греет алым
Раскидистый бересклет.

«С нас годы облетают...»

* * *

С нас годы облетают,
Как листья с тополей,
Под крик прощальный стаи
Далёких журавлей.

Одни пустые ветки
Торчат среди ветров,
А снизу – разноцветный
Счастливых дней покров.

Его вот-вот позёмкой
Суровой заметёт,
Но лист упавший жёлтый
Ещё чего-то ждёт.

Как будто бы возможно
В последний листопад
Услышать суматошный,
Весь в птичьих трелях сад.

Как будто бы неяркий

Оставшийся огонь
Ещё согреет жарко
Случайную ладонь.

В огне рябины красной
И в пламени зари
В осеннее ненастье,
Прошедшее, гори!

Дед

Перелётных гусей ждёт тепло,
юг.

Как становится холодно им —
в лёт.

Ну а мы остаёмся в метель,
друг.

Если выживем – ждёт нас ещё
год.

Это наша земля, и другой —
нет.

Провожаем глазами гусей
в путь.

Помнишь, в прошлом году здесь стоял
дед.

Не дожил до весенних деньков
чуть.

Полетел он без стаи, один,
в край,
Где всегда светит солнце. Всегда
жар.

Ты сказал, что мой дед – прямиком
в рай.

Я смотрю вслед гусям, мне его

жаль.

Походил бы ещё по земле,
пусть
Мало хлеба зимой и тепла
нет.
Прогонял звонкой песней мой дед
грусть,
И искрился под солнцем тогда
снег.

Крепкой палкой, смеясь, по сосне
бил,
Пробудившись, нам птицы несли
весть,
И за шиворот снежный ручей
лил,
И казалось, что счастье зимой
есть.

...Провожаем крикливых гусей
в даль.
В сером небе теряется их
след.
Остаёмся одни, на душе —
хмарь.
Ты с гусями вернись, обещай,
дед.

Великаны

В десятом классе были мы большими.
Творить дела великие спешили,
И к Эвересту строили маршрут.
Но незаметно с возрастом мельчали,
И с мягкого дивана замечаем,
Что горы наши выросли и ждут.

А помнишь время: хрупкую гитару
В ладонь большую брали великаны,
И пели от заката до утра.
Летели в небо искры над палаткой —
От дыма горько, от мелодий сладко —
Куда все делось? и печаль остра.

В шкафу рюкзак, пропитанный полыньёю,
Зелёный чай, не вдохновляя, стынет,
Без котелка и запахов тайги.
Брожу по дому тихим лилипутом,
В часах гигантских бухают минуты
И маятник советует: беги!

Укладываю спальник и сгущёнку,
Рюкзак надет и в поясе защёлкнул,
Иду в края, где ливни и гроза.
Берёза для меня – уютный зонтик,

Мой каждый шаг сминает горизонты
И Великанов слышу голоса.

Зимний ветер

В ноябре я хочу стать ветром,
И, танцуя с берёзой ретро,
Учинить ледяной пожар,
Чтоб сгорели в огне метели
Те листы, что вчера алели,
А сейчас под ногой лежат.

Чтоб рассыпалось на кусочки
То, что стало таким непрочным
На пороге зимы седой.
Проигравшим в бою отрада —
Ласка первого снегопада —
Только он принесёт покой.

Обернуться бы мне норд-остом,
Закружить в вальс-бостоне россыпь
Отшумевшей своё листвы,
Что спешит на балы повсюду,
Но потеряны блеск и удаль —
Я норд-остом хочу повить.

А потом посвежевшим ветром
Над землёю встречать рассветы,
Раздувая густой туман.
Прикоснуться к верхушкам сосен,

И обратно умчаться в просинь —
В опрокинутый океан.

Я хотел бы стать снежной бурей —
Закрутив ледяные кудри,
Танцевать под большим мостом.
Улыбаясь, глядеть в озёра,
Предвкушать, что декабрь скоро
Их укроет хрустальным льдом.

Завывать и свистеть повсюду,
И гудеть по-хозяйски в трубах,
И вдыхать ароматный дым.
Набродившись по белу свету —
Поутихнуть и незаметно
Прикоснуться к плечам твоим.

Небесная конница

Отряд небесной конницы
До звонницы,
До звонницы,
Отряд летучей конницы
Поднялся на крыло —
И с неба эту конницу
В бессонницу,
В бессонницу,
И с неба эту конницу
На землю намело.

Копытами искристыми,
Лучистыми
И чистыми,
Копытами искристыми,
Холодными, как лёд —
Та конница неистово
Со свистами,
Со свистами
Топтала всё неистово
И двигалась вперёд.

И даже в утро раннее,
Туманное,
Обманное,

И даже в утро раннее
Не поломала строй —
Пока поля бескрайние,
И ближние,
И дальние,
Пока поля бескрайние
Не скрыла с головой.

Снеговиков охраною
Над пленными полянами,
Над белыми полянами
Поставила в конвой.

Письма зимы

Мне писала зима
Письма в белом конверте.
Да, писала сама,
Не хотите – не верьте.

Беглый почерк читал
По следам на озёрах
И блаженно мечтал,
И с зимою не спорил.

Я рисунки её
Замечал на окошке —
Серебристый налёт
Был изящно роскошен.

Ледяные цветы,
Белоснежные листья —
Этот дар красоты
Я пытался осмыслить.

Переливов стекла
Ртом горячим касался
И в кружочек тепла
Я зиме улыбался.

Небесный дворник

Кто-то в белом замечает
Снег со всех окрестных крыш:
Я ладонь свою подставил —
В ней снежинки мягко тают.
В небе – тишь.

А теперь воздушный дворник
Вьётся около осин.
Вот ведь труженик упорный:
Сдул всё лишнее проворно —
Вижу синь.

Он, стараясь, подметает
И балконы, и карниз.
Снег кружится и витает,
Словно испугнутая стая
Белых птиц.

Птицы падают беззвучно
На раскрытую ладонь —
Помнят небо, помнят тучи,
Но летят с отвесной кручи
В мой огонь.

Тают, будто нежный сахар

В подоспевшем кипятке!
Эх, доверчивые птахи —
Растворяются без страха,
Налегке.

Дворник засвистел, заахал,
Пыль у клёна сдул с рубахи,
Улетел.

«Оранжевый пушистый кот...»

* * *

Оранжевый пушистый кот
В оконной раме с проседью
Весну сияющую ждёт
Наверно, с самой осени.
Встречая серенький восход,
В поля цветные просится!

Мурлычет песенку под нос
На белом подоконнике:
Лишь только кончится мороз,
Меня вы не догоните!
И я с ним марта жду всерьёз,
Как все солнцепоклонники.

И пусть пока ещё грустим,
Но лапы напряжинили:
Мы в изумруд весны летим,
Где почки тополиные
И солнце с жаром молодым
Сосульки лижет синие!

Танец эльфов

До рассвета все сугробы
Как безумные росли:
Это гномы рыли тропы
Из далёких недр земли.
И торчат повсюду шапки,
Их смешные колпаки,
Припорошены охапкой
Снега, словно тайники.
А возможно, это эльфы
Спят в саду в своих плащах:
Их прислал великий Гэндальф,
Чтоб не сильно я скучал.
С удовольствием встречаю
У порога всех гостей,
Грига музыку включаю,
Чтобы стало веселей.
Танец эльфов безупречный,
Гномов светлый хоровод —
Мне приятны наши встречи,
Я их жду из года в год,
Но сегодня – слишком быстро
Кружит вьюги карусель,
Снег особенно искристый
Дарит мне счастливый эльф.
Даже солнце завертелось

В этом танце круговом,
И стремительно влетело
В мой открытый чуду дом.

«Холодно одиночеству...»

* * *

Холодно одиночеству,
Что за порогом топчется,
Это дитя без отчества,
Круглая сирота.
Будь оно хоть высочество —
Жить без друзей не хочется,
Даже дубок без рощицы
В поле один устал.

И призывал отчаянно
Птиц, пролетающих стаями:
Сядьте ко мне, усталые —
Хватит уж вам кружить.
Грустное одиночество,
Ты проигралось дочиста,
Где же твоё пророчество —
Дружба длиною в жизнь?

Крепко бок о бок связаны,
Мы, абсолютно разные,
Соединились пазлами

В яркий большой пейзаж.
Если же кто не справился,
В этот узор не вставился —
Вот ведь какая каверза:
Он остаётся наш.

Чтоб в этом мире стонущем
Не оставалось тонущих,
Прозящих Бога помощи,
Словно бы нет людей.
Чтоб старики глубокие
В бедных квартирах крохотных
Знали, что слышит кто-то их
В будничном шуме дней.

Забывают вторых

Забывают вторых, потому что на первых – все шишки,
И лавровый венец, и терновый – уже всё равно.
В перекрестье прицела бегущим не будет затишья:
Первачи полегли, и их кости истлели давно.

А вторых укоряют, что едут на чых-то закорках,
Не поют – подпевают звенящей высокой струне,
Что их крест не тяжёл, а их хлеб не такой уж и горький:
И без них обошлись бы, и справились сами вполне.

Им остаться в веках невысокие выпали шансы:
Люди помнят того, кто возглавил великий поход.
Но когда бы копьё господину не нёс Санча-Панса,
Не побил бы врагов непрактичный смешной Дон-Кихот.

А без Ватсона сам Шерлок Холмс был бы нам неизвестен,
Как без Петьки Чапай не острит и обиженно тих —
Лишь в дуэте с простым гений выглядит так интересно.
Величаю вторых – не получится первых без них.

Без жены, вдохновившей мужчину на тяжкую битву,
И без матери, сыну несущей горячий обед —
Первачи не сильны, только с их благодатной молитвой
Они могут добиться своих грандиозных побед.

Я бы в школьных учебниках новые выписал ритмы —
Ведь без скромных вторых и героев-то, в сущности, нет.

«Не верь – не остаёмся мы одни...»

* * *

Не верь – не остаёмся мы одни,
И если накрывают злые тучи,
Всегда есть тот, кто ближе всей родни,
С кем не бывает тягостно и скучно.

Приятнее, чем самый лучший кот,
Надёжнее, чем все друзья-подруги.
Вернусь домой – уже меня там ждёт,
А выйду – он за мной в мороз и вьюгу.

Весной ласкает лёгким ветерком
И жмёт ладонь осенней лапой клёна,
И понимающе молчит. Он мне знаком
Давным-давно, с рождения, с пелёнок.

Он рядом ночью, рядом в свете дня,
Но в час, когда бороться сил не стало,
Следы пропали справа от меня,
И я ему промолвил сквозь усталость:

– Куда исчез ты в самый трудный миг?

Ведь обещал, что будешь мне подмогой.
И прямо в сердце голос мне проник:
– Не чувствуешь? Ты на руках у Бога.

Несу тебя и тяготы твои,
Доверься и не думай о печалях.
Когда, окрепнув, сможешь сам идти —
Я снова рядом встану, как в начале.

Ты никогда не будешь одинок,
Пока в твоём сознании есть Бог.

Загадка

Весной она на свет родилась,
Всё лето девушкой рядилась,
Всю осень женщиной блистала,
Зимой – старушкой дряхлой стала.
Снежком скрипит, метелью воеет,
Трясёт седыми волосами
И белой вьюгой кружит в поле,
Морозом щёк моих касаясь.
Прошу её: пройди сторонкой,
Пугает твой пушистый саван —
Она, смеясь, вскочила в сани,
И к марту вновь уже девчонка.
Щебечет, полная огня:
Что, милый, не узнал меня?

Мальчик Март

У весны зелёный шарф
И цветные гетры:
Это значит, мальчик Март
Достаёт мольберты.

Он рисует голубым
Небо над лугами,
Солнце – рыжим, снег – седым,
В синеватой гамме.

Посвящает свой досуг
Акварелям нежным:
Капнет зеленью в лесу,
И цветёт подснежник.

Где положит свой мазок,
Радостный и сочный, —
К небу тянется росток,
Набухают почки.

Нет для творчества границ:
Март берёт фломастер,
И рисует стаи птиц,
Что поют про счастье.

Про весёлый детский взгляд,
Про любовь и ласку:
Юный живописец Март
Щедро дарит сказку.

Есть в палитре все цвета,
Значит, есть и праздник —
Можно в краешек холста
И меня, проказник?

«Весна ворвалась в мир девчонкой...»

* * *

Весна ворвалась в мир девчонкой,
Рассыпалась капелью звонкой,
Где наступала тёплой ножкой —
В снегу протаяли дорожки.

Обнажена и неприглядна —
Весна ткала себе наряды,
И вот уж девушкой желанной
Прошла в цветочном сарафане.

Но только в мае, нарядившись
В фату из белоснежной вишни,
Себя почувствовала дамой,
В делах любви весьма упрямой.

Её характер переменчив —
Всё, как и водится у женщин.
Трясёт зелёными кудрями —
И что-то делается с нами.

«В кошачьей школе беру уроки “ловить мышей”...»

* * *

В кошачьей школе беру уроки «ловить мышей»,
У птиц полёту над облаками с утра учусь.
Я нужный навык собрать пытаюсь у всех существ,
И нет преграды, что мне была бы не по плечу.

Могу, как щука, свою добычу прижать ко дну,
Могу, как заяц, лису увидев, сбегать в кусты,
И я, как лебедь, хотел бы вечно любить одну,
И, словно ёжик, не возвращаться домой пустым.

Подобно волку, учусь быть верным своей семье,
Как лев – отважным, как филин – мудрым за кожей век,
Но захотелось одну загадку распутать мне:
Что мог бы сделать я в этом мире как человек.

Чего не может ни тигр, ни голубь, ни сам орёл,
Что недоступно слону-гиганту и муравью —
А за окошком бутон тюльпана с утра расцвёл.
Пишу сонеты и, сад рисуя, в душе пою.

Вечный сад

Живя по чуждому порядку,
Где я лишь винтик, сам не свой,
Привычно воду лью на грядку
С сезонной лакомой травой.

Среди волнений скоротечных
Забыл про яблоневый сад,
Где тянутся деревья в вечность
Раздумчиво и не спеша.

Когда-нибудь придёт старушка,
Под капюшоном – взгляд пустой,
И всю клубнику и петрушку
Сметёт безжалостной косой.

Лишь яблоню она не тронет:
Не вхожа смерть на небеса.
Смотрю на грядку, вновь на кроны —
И разбегаются глаза.

Как сохранить и то, и это,
Земное с вечным сочетать?
И вспомнились слова поэта:
Иди, возделывай свой сад.

Маленькие портные

Протыкаем небо иглой надежды
И сшиваем край его с горизонтом.
Только рвётся ткань, и тогда небрежно
Синий плащ меняем на красно-жёлтый.

Словно шёлк, струится огонь заката,
А с изнанки – тьма и нашиты звёзды.
Облака повылезли белой ватой,
Чёрный бархат ночи пошёл нахлёстом.

Ну а мы – портные и шьём по мерке
Каждый свой отдельный кусок пространства,
Если мир наш плох – то и солнце меркнет,
Если вдруг хорош – то планеты в танце.

Хоть узор на ткани у всех похожий —
Лунный серпик, дом и чужие страны —
Только не выходит одно и то же:
Плащ легко испортить большим карманом.

Наползают выкройки друг на друга —
Кто-то шьёт красиво, другой – не очень,
Главный мастер наш – золотые руки —
Наблюдает строго, наверно, хочет,

Чтобы наши швы выходили чисто,
Чтоб, когда на землю сползают тени,
На рубашки пуговиц серебристых
Всем портным хватало без исключения.

Гроза

Дожди потоками неслись,
Косые ливни
Бросались иступлённо вниз,
Как будто бивни
Разгорячённого слона
Взрывали землю,
И накрывали мир волна
И ужас древний.

Слон хочет мир перевернуть,
Низринуть в море,
Смывает безопасный путь,
Но в диком рёве
Мы слышим музыку дождя,
Его желанье
Всех обнимать и утверждать
Своё посланье

О том, что трубный рёв слона
Всего лишь звуки
Того, кто в небе осознал
С землёй разлуку.
Но через ярость облаков
И блики молний
Дождями падает любовь

На город дольний.

Подняв счастливые глаза,
Пройдём по лужам —
Кто доверяет небесам,
Тот им и нужен.
Кто под безумием стихий
Отбросит зонтик,
Тот и увидит первым синь
Над горизонтом.

Сонет о свече и пламени

Свеча мечтала встретить свой огонь,
Огонь мечтал сиять в кромешном мраке.
И, несмотря на робкое: «Не тронь!» —
Свечу поджёт, как будто это факел.

Она хотела жизнь прожить легко
И беззаботно тлеть одной верхушкой,
Не вовлекаясь в действо целиком,
Не попадая в жаркую ловушку.

А он пылал, и таяла свеча.
Мечта влюблённых – коль сгорать, то вместе!
Их страсть была безмерно горяча,
Растаяла, как жизнь, в объятьях тесных...

Но жар любви развеял облака
И греет нас в холодные века.

Подруга осень

Как светят фонари багряным
В хвосте ушедших поездов,
Последние листы упрямо
Горят в безмолвии садов.

Мигают в сумерках прощально
Их невозвратные огни.
От счастья летнего отчалив,
Проходят дни. Проходят дни.

И расставания тревогу
Не успокоить, не унять.
Грустнее кажутся дороги,
Закончен круг – и вот опять

Литое яблоко упало,
Не слыша наше «подожди».
Настало время для печали,
Летят дожди. Летят дожди,

Скрывая сумрачной завесой
Янтарно-пламенный ландшафт.
Мы тонем в сырости небесной
И капли пьём на брудершафт

С подругой, что зовётся «осень».
Смотря в прозрачные глаза,
Настойчиво и горько просим
Успеть ей что-то досказать.

В прохладной неге поцелуя
Подруга шепчет: «Не грусти!
Ты каждый раз со мной тоскуешь,
Чтоб в марте снова расцвести».

«В прохладном октябре начни гулять...»

* * *

В прохладном октябре начни гулять,
Назло погоде, часиков по пять.
Шурша листвой, найди кленовый лист —
Он, как ладошка детская, лучист.
Смотри, как проникает неба синь
Сквозь красный купол рдеющих осин.

Холодный воздух пробуй не спеша,
Цеди его, как воду из ковша,
И наслаждайся серостью дождей,
Что служат фоном разноцветных дней,
Украшенных и золотом берёз,
И серебром кристально чистых рос.

В промозглом октябре начни любить!
Уж всяко лучше, чем всё время ныть,
Ругаться на погоду, толковать
Про мишку, и берлогу, и кровать,
С которой ты не слезешь до весны.

Найди любовь – она развеет сны.

«Осень – это время для раздумий...»

* * *

Осень – это время для раздумий
Над хитином высохших стрекоз.
Ветер их чешуйки мягко сдует
Вместе с пылью бабочек и ос.

Время для дурманящих сомнений,
Горьких, словно ягоды рябин,
Станных, как изменчивые тени,
Что даёт последний георгин.

Осень – это время для печали
Терпкой, словно запахи листвы,
Что дрожит холодными ночами
Под ударом капель дождевых.

Это время сбора урожая:
Жизнью умудрённый садовод
Ягоды в корзину провожает,
Дети сразу отправляют в рот.

Время подведения итогов —

Где ты, лето красное, приснись.
В зиму упирается дорога
Быстрая и шумная, как жизнь.

«Осенний завершая круг...»

* * *

Осенний завершая круг,
Придя к конечному итогу,
Все гуси тянутся на юг,
А человек – обратно к Богу.

Мы верим: птичий перезвон
К нам обязательно вернётся.
Так почему же, выйдя вон,
И пронесясь до дна колодца,

Увидев свет в конце пути,
Попав в тепло, в объятия Бога,
Мы вновь на землю не летим,
Хоть знаем верную дорогу?

Должно быть, в царстве добрых рук
Мы забываем всё земное,
А память наша – мудрый друг —
Скрывает прошлое героя...

Когда вернётся во плоти

Душа птенцом нетерпеливым —
Почувствует лишь аппетит,
И кажется несправедливым,

Что весь наш опыт, словно дым,
Растаял в небе в одночасье,
И снова нужно молодым
Искать свою дорогу к счастью.

Настойчиво хотим понять,
Что там, в душе, на самом донце?
И, начиная круг опять,
Припомним прошлой жизни солнце.

Ночное окно

Влетает снег сквозь окоём окна,
Ложится на пол, падает на плечи...
И катится огромная луна
С метелью белой в мой уютный вечер.

Покой от бури, холод от тепла —
Что отделяет их стеной незримой?
Три миллиметра хрупкого стекла,
Преграда чуть видна, неощутима.

Она стоит меж ледящим злом,
Меж вьюгой, облаками, колким снегом —
И добрым восхитительным теплом,
Где лампы круг, и музыка, и нега.

А есть ли грань меж пламенем души
И нестерпимым холодом вселенной?
Прозрачное оконце, покажись,
Ведь всё равно ударюсь непременно!

Что отделяет дальнюю беду
От внутреннего счастья и покоя?
То здесь, то там я линию веду,
То слышится, то нет чужое горе.

Окно от сердца ставлю далеко,
Всё выглядит внушительным и прочным...
Но снег с луной влетают в дом легко
Холодной беспощадной зимней ночью.

АНАТОМИЯ ЗИМЫ

Ну, наконец, мороз ударил
И анатомию зимы
Во всех таинственных деталях
Увидели сегодня мы.

Зима сначала подмигнула
Глазами чистыми озёр —
И сразу весело порхнули
Коньки ребячьи на простор.

Потом согнула спину смело,
И с этой маленькой горы
На санках, лыжах и портфелях
Несутся стайки детворы.

Рука зимы – как лапа ёлки,
И стоит нам её пожать,
Как возмущённые иголки
С улыбкой хитрого ежа

За шиворот насыплют снега,
Но детский хохот им в ответ.
Нога зимы ступает с неба,
В сугроб башмак её одет.

Кидаемся туда с разбега

Крича: «Заждались мы, привет!»

«Солнце дарит свет несмело...»

* * *

Солнце дарит свет несмело,
Словно скряга – медный грош:
Стёртый, тусклый, жёлто-белый...
Нет другого – и берёшь.

Тишина стоит такая,
Что мне слышно, как дрожит
Снег, и как он прилипает
К лапам елей, как шуршит,

Опускаясь на сугробы,
Будто белый вертолёт,
Как звенят тихонько кроны,
Как трещит на лужах лёд,

И от каждого движенья
Под ногами слышен скрип —
Мир, устав от наважденья,
Медитирует внутри.

В самых сумрачных глубинах,

На границе полусна —
Позабывтая картина:
Листья. Птенчики. Весна.

Сердце дракона

Хоть Саша носит в себе дракона —
Внезапной вспышкой, огнём в груди,
Но нет такого нигде закона
Чтоб тот проснулся и победил.

И всё ж в неравном бою последнем,
Когда до края всего лишь миг —
Глаза у парня сверкают медным,
Буравит воздух безумный крик.

Взглянув на чёрную маску смерти,
Он ищет тайный источник сил —
Дракон разбуженный в небе чертит
Узоры парой гигантских крыл.

Огнём из пасти разверстой пышет,
Взмывает в небо и мчится вниз,
Не зная страха, кругами рыщет —
Сосредоточен, умён и быстр.

И побеждает, но раз за разом,
Весь искалечен, летит к земле.
Она скрывает его атласным
Зелёным плодом своих стеблей.

Крылатый ящер, такой огромный,
Свернувшись в точку, уходит вглубь.
Не видно дыма, не слышно грома,
Не рвётся пламя с горячих губ.

Лежит бессильный, и весь изранен,
Но всем понятно, кто видел бой,
Что этот Саша какой-то странный,
Что под одеждой живёт другой,

Что в малом теле огонь таится,
Драконья сила, драконья стать.
Беда нагрянет – преобразится,
Чтоб снова драться и побеждать

Весенний шахматист

Бродя по тающим аллеям,
Весна придумала турнир:
В полях снега ещё белеют,
А тут – проталины чернеют —
На доску нужен командир.

Скворец решил возглавить чёрных —
Деревья чёрные и птиц,
А снеговик, зиме покорный,
Решил с весной ещё поспорить,
За королеву белых – в блиц.

Гроссмейстер скворушка отменный
В дебют бросается, спеша —
Текут с доски враги примерно,
Весне дорогу – как же верно!
Скворец руладой ставит шах!

Недолго жить осталось белым:
Чернеют пешки почек в ряд,
Они в атаку рвутся смело —
Сугробы вовсе ослабели:
Им каждый листик ставит мат!

Певец, ты где? Скворец, ау!

Сыграем в новую игру —
Пойдем сражаться за зелёных,
За сумасшедших и влюблённых!

Весенний календарь

Я пытаюсь увидеть за тучами солнышко —
Бесполезное дело – скрывает вуаль,
Но, весну предвкушая, почистили пёрышки
Три синицы на ветке – недолог февраль.

Тёплый день я ловлю, как орешек для Золушки,
Разгрызаю его и смотрю, что внутри —
А оттуда мечты вылетают раздольные,
Словно март им сказал: а теперь отомри.

Можно шариком стать, синим небом наполненным,
Через лужи скакать под весёлую трель —
Или просто смотреть, как ворует воробушек
Крошки хлеба у голубя. Это – Апрель.

Можно вишни сажать и подвязывать к колышкам,
Ветерок попросить: обдувай, не ломай.
Запустить в ручеёк из бумаги судёнышко
И уплыть на нём в тёплый и радостный Май!

Весна желанная

Весна вошла с капельным звоном,
И мы уже не дышим ровно.
Легко становимся беспечными
В её летящей быстротечности.

Танцуя свой зовущий танец,
Весна щебечет: «Всё настанет!»,
Кидая нам в порыве нежности
Под ноги белые подснежники.

А головы своим питомцам
Весна усердно моет солнцем,
И все дела, что были важными,
Теперь – кораблики бумажные.

Студент забрасывает книжки,
А дед становится мальчишкой,
Чтоб погулять с весной-красавицей,
В её улыбке тёплой плавиться.

Юный месяц

В облака, как в подушки, с размаха
Окунается тонкий и гибкий
Жёлтый серпик, небесная птаха —
Ясный месяц, воздушная рыбка.

Прилетев из далекого края
В гости к старому мудрому клёну,
Юный месяц, резвясь и играя,
Заблудился в раскидистой кроне.

То на ветке могучей повиснет,
То покатится кубарем дальше —
Переполнен безумием жизни
И улыбкой счастливой украшен.

Наконец выбирается боком,
Пролетает по чёрному небу
И в большую рябину с наскока
Утыкается нежно и слепо.

Веселись и танцуй, мой хороший:
Я ведь так же кружил в малолетстве.
На тебя был, наверно, похожим
Прибегая к родителям в детстве.

В облака, как в подушки, врезался,
Окунался в них, тонкий и гибкий,
И с тобой в небесах я встречался —
Жёлтый серпик, воздушная рыбка.

«Мне дарит осень, словно клад...»

* * *

Мне дарит осень, словно клад,
Свои холодные рассветы,
И отмирание соцветий,
И опустевший голый сад.
Учусь смиренно принимать,
Пока не наступила стужа,
И эти сумрачные лужи,
Где листья красные лежат,
И солнца жёлтую печать
На сером свитке небосвода —
Последний щедрый дар природы,
Непрошеную благодать.

Ещё чуть-чуть – придёт мороз,
Укроет белым пледом листья,
И будет время поразмыслить
О прожитом уже всерьёз.
О том, что золото берёз
Ценнее всех богатств на свете
И что осенний терпкий ветер
Недаром мне его принёс.

О том, что время под откос
Летит для всех неумолимо,
И нужно просто быть счастливым,
Пока ещё не слишком поз...

«Нам счастье не поймать: в хитросплетенье линий...»

* * *

Нам счастье не поймать: в хитросплетенье линий
То слишком жарок день, то ночи холодны;
Находится изъян и в лете ярко-синем,
И в зимних кружевах, и в зелени весны.

В осколках бытия не встретишь совершенства:
Есть отблеск красоты – единой, неземной,
Но каждый новый день опять сулит блаженство —
Его не ухватить ни сердцем, ни рукой.

И задержать нельзя, всё зыбко и текуче:
То, что поёт строкой, и танцем, и струной,
Уносит время прочь – так ветер гонит тучи,
Меняя каждый миг узор над головой.

Но где-то в глубине, куда не доберётся
Ни ветер перемен, ни гомон суеты,
У каждого своё есть внутреннее солнце,
И вечно юный сад, и нежные цветы.

Их не прибьют к земле метелица и стужа,
И не умолкнет трель счастливых соловьёв,
Но беспокойный ум опять спешит наружу —
Дробить на сто частей единую любовь.

Ночной рыцарь

Мальчик ночами в сияющих лёгких латах
Бьёт злобных троллей тяжёлым стальным мечом,
Или верхом на огромном коне крылатом
Дразнит драконов, от жара их горячо.

Копья цветные бросает в пещеры орков —
Это победа над царством крошечной тьмы.
Сильные руки и глаз неизменно зоркий —
Всадник отважен, дороги его прямы.

Лунными стрелами, острыми, как осока,
Рыцарь умеет сражаться с любым врагом,
А на плечо к нему белый садится сокол,
Верный товарищ для быстрых ночных погонь.

Только с утра исчезают тугие латы,
Сокол с конём дожидаются на тропе.
Скрючены руки у парня, нога – как в вате.
Есть и диагноз с рождения – ДЦП.

Мальчик уверен, что дух посильнее плоти,
Тело – лишь глина, застывший давно кувшин.
Ночью целительной он его размолотит
Острыми пиками горных седых вершин.

Глина размокнет в волшебных ночных колодцах,
Парень, проснувшись, с утра шевельнёт рукой —
Скрюченный палец пружинисто разогнётся.
Рыцарь доволен – он может продолжить бой.

«Алый лист задрожал под напором тугого ветра...»

* * *

Алый лист задрожал под напором тугого ветра —
Только лишь черешок отделяет его от смерти,
Ненадёжный и тонкий, того и гляди сорвётся,
А листу бы ещё поиграть, покружить под солнцем.

Он не любит про зиму, не любит мечтать о вечном —
О бессмертии рая, о дружеских тёплых встречах,
О небесных садах, где порхают цветные птицы,
И о том, что есть шанс по весне ещё раз родиться.

Но когда оборвёт его с ветки бродяга-ветер
И отправится лист в свой последний полёт по свету,
Обнаружит огромного леса бессмертный разум,
Разговор шелестящий поймёт далеко не сразу,

Осознав, наконец, что он только мазок в мольберте,
На прощанье шепнёт, что художник-то есть, поверьте.

Рождение снежинок

Снежинки мельтешат, как маленькие дети,
Певучая метель – заботливая мать,
Высокий небосвод – отец в лихом берете
Из белых облаков, он просит принимать

Младенцев мудрый лес, и тот, подставив ветки,
Пока поёт метель про баюшки-баю,
Умело и легко выкладывает деток,
А папа в небесах кричит: «Я вас люблю!».

Снежинки, услышав, совсем развеселились:
Когда в семье любовь – и детям благодать.
Сестричек – миллион, неслыханная милость,
И все они наверх восторженно глядят:

Неужто мы и впрямь из неба звонкой дали
Явились в этот мир, таинственно немой?
Танцуют меж стволов, и чёрные печали
Скрываются шутя за белой пеленой.

За нежною фатой, за лёгкой пелериной,
За тихим светом их небесно-чистых тел...
Затейливый узор выводят балерины,
И ласково поёт усталая метель.

«Шестерёнки снежинок сцепились...»

* * *

Шестерёнки снежинок сцепились,
Как задорный живой механизм.
Соревнуясь в отваге и силе,
Друг за дружку покрепче схватились,
И ребячьим снежком унеслись
К соснам вверх – и стремительно вниз.

А потом белоснежная стая
Собралась поводить хоровод,
Три шара белоснежных катались,
С каждым кругом, смеясь, разрастались.
И застыл изумлённо народ:
Снеговик из снежинок идёт!

И конечно, большая морковка
Превратилась в оранжевый нос,
А две шишки сосновые ловко,
Проявив чудеса и сноровку,
Над морковкою встали в раскос,
Посмотрев широко и всерьёз!

Но когда кружевные созданы
На глазах изумлённых ребят
Превратились в ажурные здания,
Зимний зодчий устал от стараний
И устроил на небе разлад:
Мир покрыл пеленой снегопад.

Воет ветер протяжно, печально,
Задувая все детские тайны,
И снежинки, набегавшись, спят.

«Зимою мечтаем о лете...»

* * *

Зимою мечтаем о лете,
Как будто мы малые дети,
Скучаем по синему цвету,
По ласковой глади озёр.
Мечтаем о любящем море,
Смывающем слёзы и горе,
О вечно пьянящем просторе,
О пальмах, чарующих взор.

Блаженно мечтая о юге
В час белой метели и вьюги,
Мы помним о радостном луге,
О тысяче красок и форм.
А знай, что мороз будет вечным, —
Уже не могли бы беспечно
Пред ликом зимы бесконечной
Терпеть ледяной этот шторм.

Зимою мечтаем о мае,
Как грешник тоскует о рае,
Как плачет младенец по маме,

Как грезит моряк о земле.
Когда наконец-то причалим,
Мы, глядя в цветущие дали,
Не вспомним о белом начале,
Что делало душу взрослей.

Ломаются хрупкие ветки,
Буря беспощадный и цепкий
Бросает в лицо наше метко
Колючую снежную рать,
Нас делая чуточку твёрже,
Наждачкой царапая кожу,
И сердце шлифуя нам тоже,
Тепло научив выбирать.

Рождество

И то, считай, удача – постелена солома
Для матери Марии в хлеву среди волов.
Так скромно и так просто: уж точно не в хоромах
Приходит на планету вселенская любовь.

Осёл согреет ножку – тут ни тепла, ни света,
И нету колыбели – хоть ясельки нашлись,
Но как же совершенна для нас картина эта,
И как же драгоценна в руках Марии жизнь!

А путь уже начертан, копьё поставит точку,
И боль за сына будет у матери в глазах.
Ну а пока – пещера, и свод её так прочен,
И счастлива Мария с младенцем на руках.

Вселенная притихла, звезда над Вифлеемом
Дорогу освещает провидящим волхвам
И робкий свет бросает через ворота хлева
Туда, где спит ребёнок, как будто это храм.

«Хрустальной люстрой на солнце...»

* * *

Хрустальной люстрой на солнце
Зажглась берёза поутру,
И прыгают огни в оконце,
Как радостные кенгуру.

Ну что же вы, располагайтесь,
Вот вам и кресло, и кровать,
Но гости, весело толкаясь,
По чашкам начали скакать.

И показалось, что услышал
Я лёгкий, чистый перезвон,
А за окном, немного выше,
Берёза откликалась в тон,

Звучала в терцию осина,
И гармоничный благовест,
Разбив стекло воздушной сини,
Проник на сотни вёрст окрест.

И льдинки радостно звенели

В раздутых пышно облаках,
И трубы ангельские пели
Светло и нежно в небесах.

Над пробудившейся планетой
Всему живому в унисон
Гудят колокола рассвета
Со всех немислимых сторон.

Неделимое

А ведь можно прожить без ненужных границ —
Разузнал я сегодня у птиц,
Что летят в небесах над единой землёй:
Петербург – Нагасаки – Ханой.

А ведь можно прожить без диктата часов:
День для песен, а ночи для снов,
Всё и так совершится в назначенный срок,
Если выучил нужный урок.

Можно чувствовать жизнь без наклеек из слов,
А на части делить лишь любовь,
Чтоб хватило родным, на друзей и на лес —
Удивительный, странный процесс.

Потому что любовь, как её ни дели,
Всё равно от небес до земли.

Хористы

В лесной консерватории
Сегодня кавардак:
Летят сюда весной
Великие солисты —
Скворец к концерту натянул
С отливом чёрный фрак,
Зарянка в платице
С оранжевым монисто.
Все ветки в роще заняты,
Не обошлось без драк,
И лучик солнца возвестил,
Что начат первый акт —
Вступает хор залиvisto и чисто,

Но утихает, и слышна
Рулада соловья.
Как соло будит кровь,
Томительно и страстно!
Но чьё-то кар, и фьють, и свист,
И даже просто кря
В симфонии нужны —
Никто не безучастен,
А ветер дует в саксофон,
Пройдясь по тополям,
По клёнам и по сосенкам,

Выискивая ля —
Я подпеваю всем подряд
И счастлив.

Покинув душные фойе
Усталых городов —
Спешим в партеры роц,
Тут не нужны билеты.
Цена за вход – счастливый взгляд,
Кто платит – тот готов
Услышать музыку,
Пропитанную светом.
И, аплодируя в душе
Оркестру из дроздов,
Из горихвосток, зябликов,
Овсянок и клестов —
Ждём лета.

«Весна творит легко, как дышит...»

* * *

Весна творит легко, как дышит:
То платье для калины вышьет,
То изумрудный плащ осине
Строчит с каёмкой ярко-синей.

Берёзе вешает серёжки,
Фату на вишню надевает,
Чтоб не слетела, осторожно
Душистым ветром овевает.

И мне бы надо приодеться —
Скажи, весна, каким подарком
Зимой простуженное сердце
Украшишь, чтобы стало жарко?

Весна, взяв краски у зарницы,
Очки мне розовые дарит:
– Попробуй только не влюбиться,
Угрюмый, зимний, бледнолицый!
Попробуй отвертеться, парень!

Я даже пробовать не буду —
Весной легко поверить в чудо!

Весна-проказница

Ножки девчонок дразнятся —
Это весна-проказница
Искрами сыплет, кажется —
В город вдохнули жизнь.
Щёки девичьи красные,
Взоры – такие ясные,
Губы у всех опасные,
Можешь – во всех влюбись!

Волосы водопадами,
Волнами и каскадами,
Серьги на ушках – кладами,
Нега открытых плеч.
Тонкие руки девичьи,
Юноши все – царевичи,
С веток горланят певчие,
Взгляды – не устеречь.

Как каравеллы плавные,
Дамы в аллеях плавают,
Следом идут забавные
Парусники мужчин.
Вся эта жизнь волнительна,
Дышится – упоительно,
Ветра глоток – живительный,

Хмуриться нет причин.

Пары бредут по улицам,
В каждом углу целуются,
Счастьем своим любят
Ласково и в упор.

На грандиозном празднике
Непостижимо разные
Соединились пазлами
В яркий цветной узор!

Это весна-проказница,
Пёстрая, громогласная
Милая, несуразная,
Всем согревает взор.

Неудавшийся вождь

Небо нынче провисло, как серый походный вигвам,
В нём покоится дождь под напором суровых ветров,
Но победа за нами, и птичий залиvistый гвалт
Призовет жёлтый бубен на синий небесный покров.

Я зарюю военный топор – неудавшийся вождь,
Раскурю трубку мира, и с дымом уйдут облака,
А небесный шаман, в белых чётках воинственный дождь,
На прощанье станцует, хватая за мокрый рукав.

И отдаст воробей в мою шапку лихое перо,
И мой лук зазвенит, прямо в тучу помчится стрела —
Это просто травинка, и небо, почуяв добро,
Будет пить со мной чай, и вода в его чаше светла.

Улыбка

На всех насупленно смотрел угрюмый Хмурохвоц:
Он улыбаться не любил, серьёзный был сорняк.
И перекинулась печаль на тихий шелест роц,
А дрозд забыл, что значит петь, и хочет – да никак.

У роз завяли лепестки, топорщатся шипы,
И тут, догадкой озарён, Кипрей сказал: «Друзья,
Похоже, Хмурохвоц тоской всех хочет заглушить,
Но мы зачехнуть не должны, и средство знаю я!

Недалеко от нас растёт весёлый Синезвон —
Обычный вроде бы цветок, невзрачный, полевой,
Но вот улыбками его я с детства восхищён,
А как он радостно звенит, качая головой!»

Тогда цветы пошли на луг, где колокольчик рос,
Тот улыбнулся всем легко, они ему в ответ,
И распрямились лепестки увядших было роз,
И небо вдруг на голубой переменяло цвет.

И даже мрачный Хмурохвоц от радости зацвёл,
Заливистый цветочный смех летит со всех сторон,
Вкуснее сделался нектар трудолюбивых пчёл —
Лишь оттого, что не жалел улыбок Синезвон.

Семь зайцев

По солнечной горке катаясь,
Вдруг с радуги спрыгнули вниз
Семь радостных солнечных зайцев —
И вдаль по земле понеслись.

Стал красный жевать помидоры,
Глотать апельсины второй,
Банан слопал жёлтый проворно,
Зелёный наелся травой.

Лазурный мечтательный заяц
От неба кусок откусил,
Шестой, в синей речке купаясь,
Воды очень вкусной попил.

Седьмой был вообще фиолетов
И съел на обед баклажан.
Скакали зайчата по свету,
Играя и в танце кружа.

Зимой, съев по мисочке снега,
Они побелели, как мел,
Но радуга вешняя в небе
Цвета им вернула в момент!

Семь братьев от счастья смеются
И водят смешной хоровод,
А солнце – весёлое блюдо —
Им завтрак цветной подаёт.

Но тут прилетел на пирушку
Весь в белом большой попугай,
Смешал всё в огромную кружку...
Что случилось с ним? Угадай!

Он стал разноцветным и пёстрым,
Собрав на себе все цвета,
А зайцы подумали просто:
Вот это и есть красота!

След

Говорят, что в космосе Бога нет,
Мол, Гагарин искал и прочие.
Видишь – храм стоит уже сотню лет,
Но ведь строился он – рабочими,
Если книга есть – значит, был поэт
И стихи приносил в издательство.
Человек и Бог оставляют след —
Это лучшее доказательство.

Оглянись вокруг: всё, что видит взгляд, —
Результаты труда Создателя.
Ночью звёзд уголья во тьме горят,
Солнце всходит костром сиятельным,
Кит на дно плывёт, птица рвётся ввысь,
А леса к горизонту стелются —
Это божий след, он впечатан в жизнь —
И в зайчонке, и в каждом деревце.

Он любовью в душах людских цветёт,
Призывая творить хорошее,
Но метут метели из года в год —
След становится запорошенным.
Эх, метлу бы мне, да пойти кружить,
Выгребать из проулков лишнее.
Как расчищу след – стану лучше жить,

Добреду по нему к Всевышнему.

«Мы все говорим на одном языке...»

* * *

Мы все говорим на одном языке:
Морзянка тревожит нас ночью.
Читаем сигналы по звёздной строке —
Далёкие светлые точки

Мигают сквозь вакуум, ставя вопрос,
Который не знает ответа:
Вы счастливы там, или шлёте нам SOS
Мерцанием синего света?

Надеюсь, что счастье разносится с рук
Арфистов в созвездии Лира,
А Моцарт земной преклоняет свой слух
И тихо берёт на клавире

Похожий аккорд, вставив радостный такт
В симфонию звёздного света,
А день – всего-навсего длинный антракт
В концерте безудержном этом.

Но чаще всего долетают стихи

К Земле из окраин вселенной —
С Волос Вероники каскадом лихим
В забытые наши деревни.

И служат антенной из космоса им
Деревья. Деревья. Деревья...

«Если вдруг повезёт – жизнь придавит...»

* * *

Если вдруг повезёт – жизнь придавит тебя, как букашку,
И пытаясь дышать под стопой, сокрушительно тяжкой,
Поневоле в себе обнаружишь потерянный свет,
Различишь среди грохота бури спокойный ответ.
Чем сильнее судьба каблуками пройдёт по живому,
Тем верней возродишься: другим, неожиданным, новым.

Если вдруг повезёт – жизнь оставит тебя одиноким,
И тогда чтобы силы найти и не сгнуть до срока —
Ты увидишь весь мир, как впервые – в нём есть красота,
В каждом листике – Бог, а задача сегодня проста:
Осознать, что Всевышний твой друг, и что он тебя любит,
Даже если безжалостно предали близкие люди.

Если вдруг повезёт, то ты станешь больным или нищим,
И когда чёрный ветер повалит и горько засвищет,
Обнаружишь опору в себе – там, где яма видна,
Ты пойдёшь до конца, доберёшься до самого дна,
От него оттолкнувшись, на небо посмотришь упрямо,

Чтоб увидеть звезду путеводную прямо над ямой.

Ну а коль не везёт – ничего, потерпи до поры.
Есть ячейка zero у любой интересной игры.

«У всех бывают звёздные часы...»

* * *

У всех бывают звёздные часы,
У всех бывают мрачные провалы,
И мы кладём всё это на весы
И выбираем тех, кто падал мало.

Но если разобраться – кто летел,
Тот неизбежно падал перед этим,
В полёте крылья вырастить успел,
Не одолев последний дюйм до смерти.

И если ты когда-нибудь, мой друг,
Заметишь, что я в жизни стал улиткой,
Встряхни меня, уж лучше пусть испуг,
Провалы и триумфы, вновь ошибки,

Чем жить с меланхолической тоской
По жизни, недопрожитой тобой.

«Отважные и всё-таки смиренные...»

* * *

Отважные и всё-таки смиренные,
Набухших почек тихие полки
Ползут по красной вербе, словно пленные,
Сбежавшие от сторожа-пурги.

И вдруг из клеток, тщательно заклеенных,
Из тёмной и печальной немоты,
Навстречу небу синему уверенно
Выстреливают первые листы.

Отбросив, как броню, чешуйки жёсткие,
Одетые в легчайший нежный пух,
Хмелея от нахлынувшего воздуха,
Всем тельцем пьют весенний бодрый дух.

Их солнце греет, словно папа, трепетно,
Их ветер, чтоб вертелись, теребит,
И наслаждаясь бойким юным лепетом
Им дождик утоляет аппетит.

А матери-земле легко ухаживать

За стайкою зелёных малышей,
Что выползли, смешные и отважные,
На первую симфонию чижей.

«Светятся на иве серьги серебром...»

* * *

Светятся на иве серьги серебром —
Это дождь влюблённый их оставил,
Но когда могучий разразился гром —
Задрожали серьги робкой стаей

И слетели в реку – сумрачной порой
Яркие серебряные звёзды
С серебром упавшим, тем, что под водой,
Шепчутся таинственно, серьёзно.

О зубастой щуке и созвездье Рыб,
О русалке и небесной Деве.
Ивы полусонной медленный изгиб
Слушает их грустные напевы.

Как же ей серёжки хочется надеть!
Ива прямо в воду опустила ветвь.

Мы не умрём

Наташа – москвичка с Малой Никитской,
Студентка ГИТИСа, почти актриса,
Ей всего двадцать искрящихся солнцем лет.
Сцена уже как билет в кармане,
Зовёт к себе, привлекает, манит,
Жизнь впереди, ну а смерти, конечно, нет.

Есть встречи с парнем, стихи и дружба,
Влюблённость, свадьба, и вслед за мужем
Едет на фронт; это август, сорок второй.
Хоть медсестрой, но в самое пекло,
В Сталинград, там где звёзды меркнут —
Девушки в страшной войне пополняют строй.

Ноябрь месяц, контраступление,
Фронт прорван, смерти, ранения,
Двадцать солдат спасает она в тот день.
Вот и блиндаж, потерпите, братцы,
Вата, бинты, и минуты длятся,
Где же подмога, где сейчас наши, где?

Вместо своих впереди фашисты,
Есть лишь минута, решает быстро —
Взяв автомат с подсумком, вступает в бой.
Стоя в окопе, стреляет по фрицам,

Кончились пули и вражьи лица
Видит Наташа прямо перед собой.

Ей предлагают сдаться. Что будет?
Там, в блиндаже, замолчали люди,
Им при таком раскладе пришёл конец.
Но эта девочка из медсанбата
Просто дерёт чеку из гранаты,
В ноги бросает под перестук сердец.

Следом разрыв, чьи-то крики, стоны,
Слышно «ура», и советский воин
Вносит Наташу на плащ-палатке внутрь.
Еле живую, всё тело в ранах...
Та, что спасала их, – умирает
Юной совсем, но разве же в этом суть!

Суть оказалась в конце тетрадки,
Что разыскали в вещах солдатки,
Там есть последние в жизни её слова:
«Кто-то рождён, чтоб творить искусство,
Чтобы будить в человеке чувства
И каждым словом радость вокруг ковать.

Кто-то рождён, чтоб играть на сцене
В круговороте света и тени,
Кто-то рождён растопить своим сердцем лёд.
Мне же судьба, чтоб пойти в атаку,
Чтобы принять за отчизну драку,

Кто-то рождён, чтобы просто сказать: вперёд!

Это неважно, что мало прожил,
Что в книге жизни людской, быть может,
Ты не напишешь ярких красивых строф.
Можно поставить там лишь простую
Очень всем нужную запятую,
Главное, чтобы в этом была любовь».

Муж-командир погиб ещё раньше,
Но их дороги стелются дальше:
В небе багровом ввысь полетят вдвоём.
Над чернотой, над кромешной битвой,
Песня их слышится, как молитва:
Мы не умрём, мы никогда не умрём.

«Что вытворяет лес, когда его не видим?..»

* * *

Что вытворяет лес, когда его не видим?
Наверно, там росу серебряную пьют,
Деревья, захмелев, играют водевили,
Упавшие листья о бренности поют.

Я как-то поглядел, раздвинув ночью шторы,
На то, какой они устроили спектакль:
Огромный старый клён был главным режиссёром,
Калина с ветерком вальсировала в такт.

Осина, заломив трагические руки,
Кричала в небеса о пламенной любви...
Какой же был накал, эмоции и муки,
Где нынешний Шекспир, To be or not to be?

Могучий дуб не мог к рябине перебраться,
Плакучей ивы смех звучал сквозь капли слёз,
Любимый старый лес: ему не нужно радио,
Чтоб передать печаль невестушек-берёз.

Достаточно сосны протяжного скрипенья,
Чтоб с нами говорить на вечном языке,
И нежных соловьёв загадочного пенья,
И шёпота воды в укромном ручейке.

Лес может познавать, и чувствовать, и слышать
Без всяких умных слов, заведших нас в тупик.
Обняв нагретый ствол цветущей белой вишни,
Вдыхаем аромат и любим напрямик.

«Без двух понедельников лето...»

* * *

Без двух понедельников лето —
Уже всё звенит и согрето,
И солнце по-летнему светит,
И зеленью сад обуян,

Но есть ещё таинство мая,
Неясная бездна желаний,
Влюблённость, надежды без края
И утро, которым я пьян.

Есть юность, когда непонятно,
Что будет осеннею жатвой,
Всё только возникло невнятно,
Едва распустились цветы.

И в дымке черёмухи белой
Всё робко, прекрасно, несмело,
И нет завершённости спелой —
Лишь отзвук туманной мечты.

Продлить бы весеннюю нежность,

Когда далека неизбежность,
Есть радостный привкус надежды,
Ещё неизвестен нам плод.

Ещё всё так мягко и гибко —
Не смех, а лишь только улыбка,
И можно наделать ошибок —
Их ветер легко унесёт.

«Я вижу чудную картину...»

* * *

Я вижу чудную картину
На фоне неба светло-синем:
За белой рамкою окна
Стоит прекрасная рябина:
Как дева юная невинна,
Зеленоглаза и стройна.

Ее прическа на рассвете
Растрёпана смешливым ветром,
В ней столько жизни и огня,
Так шелестит уютно платье,
Что хочется, вскочив с кровати,
Красавицу в саду обнять.

Ну а художник знаменитый
Мешает краски на палитре
И ставит подпись на холсте —
То белым облачком туманным,
То красным огненным тюльпаном,
То чёрной птицей на кусте.

«Девушка пела в церковном хоре...»

* * *

Девушка пела в церковном хоре
Не для того, кто погиб в бою,
Не для судов, уходящих в море, —
Нам посвятила песню свою.

Тем, кто, уехав в чужие страны,
Затосковал по родной земле,
Тем, кто в России кромешно пьяной
Всё же остался ещё в седле.

Где-то Есенин печально плачет —
Значит, любили всё-таки нас.
Помнишь: собака в ночи пропащей
Сыпала слёзы на снег из глаз.

И Маяковский швыряет звёзды
Рядом с планетой Экзюпери,
И Пастернака лицо серьёзно,
Видишь – свеча на столе горит.

Где-то на озере Чад далёком

Бродит жираф, он навеки мой,
Образам этим не будет срока,
Я в этом мире всегда живой.

Даже вот так: помогает выжить
Мне нарисованный ими мир —
Средь современных хапуг и выжиг
Это последний мой ориентир.

Словно маяк сквозь тоску и серость —
Только к разбитому сердцу сталь
Вновь Маяковский прижал, не целясь —
Кто бы ему разогнал печаль?

А музыка ещё звучит

Он к ней спешил за облака —
Она со звёзд к нему спускалась,
И вся она была легка,
Как звон хрустального бокала.

Восход, робея, не хотел
Будить их лучиком горячим,
И пух с крыла её летел,
И укрывал стыдливо спящих.

Она осталась на Земле,
Забыв своё созвездье Лиры,
Он приносил ей свежий хлеб
И нежные букеты лилий.

Но лишь обиду и тоску
Цветы увядшие ей слали,
И неба синего лоскут
Земных чудес ей был желанней.

А музыка ещё звучит
В её ушах нетерпеливо,
Но крылья, лёгкие на вид,
Уже не делают счастливой.

И каждый вечер при луне,
Оставив мужа в тихой спальне,
Она их чувствует сильнее,
Но напевает все печальней

О том, что звёзды не вернуть, —
Рыдают в воздухе аккорды,
Вновь не получится уснуть,
И гриф гитары весь истёртый,

И пальцы нежные болят,
И связки сорваны до хрипа,
Но плач космических баллад
Зовёт, как песня пилигримов.

А он печально вслед глядит,
Ведь знал, что это всё случится,
И вот уже она летит
К иным мирам полночной птицей,

И музыка в её груди
Теперь звучит не умолкая,
И ветер яростно свистит,
Всё вверх и вверх её толкая.

Ночная рыбалка

Я таскаю звёзды из Вуоксы сонной —
Что же за рыбалка без клюющих звёзд?
Лунный корж крошу им, небеса бездонны,
В них порхают сонмы маленьких стрекоз.

Я сачком рыбацким провожу по ряби,
Хочется потрогать крылышки рукой,
Трепетных созданий бережно погладить
И обратно в небо кинуть по одной...

У стрекоз глазищи – как у чёрной кошки,
Освещённой ночью ярким фонарём.
Пролетев беззвучно лунною дорожкой,
Вновь садятся звёзды прямо в водоём.

Зачарован этой сказочной картиной,
Я костёр походный рядом развожу —
Искры вверх стреляют, оставляя длинный
След, ведущий в небо, к звёздному ковшу.

Синие стрекозы светятся невинно,
Над ночной Вуоксой лунный коржик ждут.

Гардероб

Боль бывает разной —
С оторочкой красной,
Ну а счастье – в синей
Шапке из глициний,
Чёрные печали
Плечи украшали,
А цветок на сердце
Помогал согреться,
Разум фиолетов —
Все оттенки цвета,

Все палитры аур
Чем-то хороши.
Не беру я траур
В гардероб души.
Веры шарф брусничный
К радости плащу —
Вроде гармонично
Я тебя ищу.

«Жук тащит ветку больше себя в сто раз...»

* * *

Жук тащит ветку больше себя в сто раз,
Вырос цветок на мрачной крутой скале —
Летом верится в Счастье, и ты горазд
Дуб вырвать с корнем радостно и смеясь —
Счастье, как белка, ждёт нас в любом дупле.

Осень в цветистом платье бежит ко мне —
Осенью верю в Мудрость и Красоту,
В то, что ещё не скоро коварный снег —
Огнетушитель, гасящий фейерверк, —
Ровным покровом скроет мою мечту.

Ну а зимой я верю в весны приход,
Верю в Деда Мороза и Рождество,
Верю, что этот новый холодный год
Чудо в горсти старательно мне несёт,
В доброе согревающее волшебство.

Бурной весной я верю даже в Любовь,

В то, что Господь любому даёт скворцу
Крепкую пару, будь хоть косой, рябой,
Нудный, тщедушный, глупый – вообще любой,
В то, что родимся снова, придя к концу.

Летнее утро

Проснуться утром, окна распахнуть,
Вдохнуть простор и выпить полной грудью,
Чтоб вся вселенная, деревья, птицы, люди
Мне уложились аккуратно внутрь.

И каждого внутри согреть теплом,
Таких ночных, сердитых и холодных,
Дарить любовь всему, что есть в природе, —
И выдохнуть обратно, в синий дом.

И так дышать хоть несколько минут,
Отогревая мир своим дыханьем,
Чтоб днём, когда внезапно трудно станет,
Мой мир любовь мне захотел вернуть.

«Когда весна в окошко к нам глядит...»

* * *

Когда весна в окошко к нам глядит
И сердце рвётся к ней в порыве счастья,
Мы понимаем: жизнь не победить.
В ней нужно просто принимать участие.
Не заглушая прочих соловьёв,
Пропеть свою балладу про любовь.

Весной неинтересно правым быть
В каком-нибудь заумном жарком споре
И хочется лишь искренне любить
Друзей в непринужденном разговоре;
Не упираясь в мнение своё,
Увидеть сад в оконный окоём.

Нет времени весною для обид,
Для никому не нужных мелких стычек —
Весной в ладу с природой нужно жить,
В согласии со всем трезвоном птичьим;
Входить с утра в росой умытый лес,

Как в мир неиссякаемых чудес,

И слушать, и смотреть во все глаза —
Весне ни слова против не сказав!

Хороводят цветы

Хороводят цветы пёстрой стайкой на брошенных дачах
Вдоль простых декораций из зимних обломков седых,
И над сценой зелёной блаженно парит одуванчик,
Раздвигая упрямой головкой танцоров иных.

Он летит в небеса, оттолкнувшись от тёплой планеты,
На деревьях – оркестр из пернатых и слаженный хор,
А листочки как руки – так трепетно тянутся к свету,
Что и сам постановщик не видел прекрасней узор.

Этой жизненной силе нигде не найти укорога,
То, что нежно и гибко, до края вселенной цветёт,
Да и в вечность войдёт только доброе, нежное что-то,
Что способно подняться из праха весной каждый год.

Вечность очень не любит, когда неизменно и скучно.
Зажигаются звёзды и плавно танцуют в ночи,
А в созвездии Арфы Вивальди и Моцарта души
Мягко тянут за струны, и голос вселенной звучит.

Летнее солнцестояние

Лето катит вперёд беспечально,
И ещё ничего не сбылось,
Но могучий небесный начальник
Повернул уже Землю за ось,

И планета с разгона, с размаху,
Пережив самый долгий из дней,
Разодрав облака, как рубаху,
Заявила, что завтра темней

Станут наши прозрачные ночи,
Холоднее роса поутру,
А в цветущей берёзовой роще,
Трепеща на вечернем ветру,

Лист в зелёной неброской одежде
Размышляет впервые о том,
Как закрутит он лихо-небрежно
Жёлтый шарф на багряном пальто.

Восход

Я знал:
Любовь накроет и сметёт,
Как вал,
И будет в жизни поворот.
Ловил
В тумане миг, где я и ты
Соединимся, как мосты
Невы.

Вдвоём
Дороже каждый день стократ,
Пойдём
Встречать на озеро закат.
Когда
Горит пожаром неба даль,
Мне кажется, тебя я ждал
Года.

Аккорд
Звучит как в безмятежном сне.
Плывёт
Мотив о сказочной весне.
И вот
Земля ушла в ночной полёт,
А в душах сутки напролёт

Восход.

Оберег

Мне захотелось,
чтоб эти буквы
защитили тебя
чистой, высокой
магией звука,
гласными звонко трубя.
Чтобы согласные
громким рычаньем
гнали твоих врагов,
чтобы от слова
было сиянье —
яркое, как любовь.
Чтобы все строки
в едином ритме,
словно табун коней,
прочь от беды несли,
как молитва
в самый плохой из дней.
Чтоб облегало
стихотворенье
дух твой,
словно броня,
чтобы овчаркой
шло у коленей,
счастье твоё храня.

«Выпив рос медвяных сладость...»

* * *

Выпив рос медвяных сладость,
Извлекают горлом радость
Для подружек соловьи —
Чтобы гнёзда вить им надо
Спеть руладу о любви.

Под гармонь протяжных скрипов
Молодой прекрасной липы,
Под зовущую свирель —
Каждый листик к небу выполз,
Да и я спешу скорей

В это звонкое безумство,
Чтоб легко и безыскусно,
Под шушуканье берёз —
Распевать тебе о чувствах,
Как весёлый чёрный дрозд.

«Помнишь Санкт-Петербург, Староневский...»

* * *

Помнишь Санкт-Петербург, Староневский и наши прогулки?

Стук копыт замирал над уснувшей ночной мостовой...
Только наши шаги раздавались пустынно и гулко,
Да мосты, словно чайки, парили над вольной Невой.

Мы стояли, обнявшись, под звёздным рассыпчатым небом —

В холодах прежних жизней я помню тепло твоих рук.
Средь дождей и туманов не знаю, кем был я, кем не был,
Но уже поднималось над городом утро разлук.

В горьком чае зари растворились медовые звёзды,
Утоляя печали атлантов и кариатид...
Скоро встретимся в Санкт-Петербурге, который был создан,
Чтоб ещё раз могли мы с тобой чашу неба испить.

«Неизменно дождливый Питер...»

* * *

Неизменно дождливый Питер,
Запелёнатый в серый смог, —
Ты как старый, уютный свитер
Согреваешь теплом мой бок.

Левый бок, там, где бьётся сердце,
Без тебя ждёт и холод, и грусть —
Хорошо быть в Питере местным,
Каждый дворик в нём знать наизусть.

И смотреть на суровые волны
С парашютов Невы не спеша:
До краёв я тобою наполнен —
Стылый город, где грелась душа.

«Давай услышим, как растёт трава...»

* * *

Давай услышим, как растёт трава,
Раздвинув с хрустом чернозём и корни,
Неистово, всесильно, непокорно,
Из зимней немоты – и вдруг жива.

Почуем корень, как он тянет сок
Из глубины проснувшейся планеты,
И вырывается внезапно к свету
Живой и мягкий крошечный росток.

В каких же муках корчится земля,
Как рвутся клетки, разделясь на части,
Чтоб нарядились голые поля
В зелёное податливое счастье.

Мы видим сверху только результат
Огромных титанических усилий,
Не думая, что под корнями лилий
Таится чёрный и бездушный ад.

Давай услышим музыку цветов —

От нижней до, звучащей из под глины,
До верхней си – среди нежных лепестков,
Когда с дождями падает любовь,
Объединяя обе половины.

«Птицы замолчали...»

* * *

Птицы замолчали —
Долго ль до печали,
До янтарно-красной
Рвущейся тоски...
Лучше бы кричали,
Словно жизнь в начале
И ещё прекрасны
Розы лепестки.

Диких уток стая
В облаке растает,
Нам бы вслед за ними
В тёплые края.
Радостно мечтаем,
И пока витаем
В небе ярко-синем —
Птицы, ты и я.

А наступит осень —
Мы её попросим
Превратить прощанье

В яркий маскарад.
Ветер будет косы
Гладить у берёзы
И сдувать ночами
Праздничный наряд.

Да и нас, конечно,
Нежный вальс утешит,
Кто ушёл обнявшись —
Тот и победил.
Холода неспешно
Расставляют вешки,
Но пока жив август —
Мы с тобой летим.

«Август тянется, словно расплавленный мёд...»

* * *

Август тянется, словно расплавленный мёд
С терпким запахом вызревших трав,
То жуком по листочку тихонько ползёт,
То взматается птицей стремглав,
Положив два крыла на тугой небосвод,
Переходит в парящий неспешный полёт,
Чуть пером шевеля, над полями плывёт
И в медлительной сладости прав.

Лето – словно обед из горячих трёх блюд:
Были жадными мы до тепла,
Быстро скушал июнь стосковавшийся люд,
И погода июль испекла,
Как слоёный пирог из небесных причуд,
Только август на третье, насытившись, пьют,
И смакуют прощальный нагретый уют,
Словно чай, но пуста пиала.

Скоро нам выходить под дожди сентября,

Бабье лето помашет рукой.
В нашем летнем кафе выключаются бра,
Наполняя все ночи тоской.
Но пока ещё можно, поднявшись с утра,
Пить настой свежескошенных трав,
И остатки тепла по лугам подобрыв,
Смаковать этот мягкий покой.

Ты прекрасен, мой август, ты так величав,
И пока я люблюсь – постой.

Предчувствие осени

Печальный зов далёкой птицы,
В чернильных лужах жёлтый лист.
Душа беспомощно томится,
Хоть день по-прежнему лучист.

Прозрачен и хрустально светел,
Свод неба дарит мне покой,
Но холодок, едва заметен,
Вплетается в привычный зной.

И эта стынувшая нота
В просторах скошенных полей
Несёт предчувствие полёта
С прощальным криком журавлей.

«Клёны взметнули флаги, горят огнём...»

* * *

Клёны взметнули флаги, горят огнём:
Золотом, охрой, ониксом, янтарём.
Светят рубином красным, сияет медь —
Клёны готовы в этом костре сгореть.

Мы наблюдаем грозный последний бой
Рыжего вяза против зимы седой.
Северный мрачный ветер дерёт с ветвей
Листья берёзы, дуба и тополей.

Вот пламенеют ясень и бересклет.
Скоро морозы всем уравниют цвет.
Будут снегами яркие краски сечь,
Чтоб эполеты скинуть с могучих плеч.

Парусом алым ветер уносит прочь
Листья осины, и подступает ночь.
Спущены флаги, гордо чернеют в ряд
Мачты деревьев. Осень. Горит закат.

Это сражение вечно волнует дух.
Холод всемогущ и к проигравшим глух.
Но неизбежно снова грядёт война.
Будет победа, славная, как весна.

Зимние разговоры

Что там слышно в перелесках?
Сказки добрых фей небесных.
Платье белое для ели,
Напевая, ткут метели.

Одеяло на осину
Ветер с посвистом накинул.
Погрузило в сон берёзу
Бормотание мороза.

Снегом сыплются в озёра
Туч далёких разговоры.
Что темнеет на просторе?
Недосказанность историй!

Убаюкал все холмы
Шёпот ласковый зимы.

Лесной капитан

Снег, как парус, повис на могучих ветвях,
Синевой разметался простор.
Тишину не нарушат ни шелест, ни взмах,
Птиц – и тех не слышать разговор.

Даже грай воронья постепенно умолк,
Словно крики в порту за кормой.
Я стихи почитать для деревьев бы мог,
Но слова нарушают покой.

Слышал всё старый клён, ветер всех обнимал,
Облака усмехались вдали.
Я по лесу плыву, как лихой капитан,
И деревья – мои корабли.

В тихих бухтах искрящихся белых полян
Заметают метель все следы.
В море тоже их нет, и плывёт капитан
На маяк путеводной звезды.

Мачты сосен летят над притихшей землёй,
Белки словно на ряях сидят,
А сугробы вздымаются чистой волной
И под утренним солнцем блестят.

В голубых небесах тёмный риф облаков
Натолкнулся на жёлтый корвет —
Он утонет к закату за кромкой лесов,
Забирая на дно мягкий свет.

Но зажгутся огни в островах деревень,
Их увидит во сне океан,
Вспоминая забрызганный красками день,
Возвратится в свой порт капитан.

«Сникшие, задумчивые травы...»

* * *

Сникшие, задумчивые травы
Видят сны под белой пеленой —
В них шумят зелёные дубравы
И звенит жуками синий зной.

Одиноко травам под подушкой,
Как царевне в призрачном гробу.
Принц-апрель с улыбкой простодушной
Расколдует их когда-нибудь.

А пока лишь медленные соки
Двигутся в извилистых корнях;
Ждут весной назначенного срока,
Искру жизни бережно храня.

Ноги удлиняя, прорастаю
К тёплой магне сонной глубины.
Будь травой – мелодия простая
Выжить помогает до весны!

«Слово “Вечность” нельзя сложить...»

* * *

Слово «Вечность» нельзя сложить
Из колючих осколков льда:
Слишком нервно вверху дрожит
Неприкаянная звезда.
Ей осталось всего чуть-чуть —
Миллиард одиноких лет, —
Чтоб закончился взрывом путь
И прервался холодный свет.

Время Кая – совсем пустяк:
Рядом с вечностью – взмах ресниц,
Незаметный к обрыву шаг,
Крик напуганных кем-то птиц,
Ускользающе малый срок —
Дольше спичка горит в огне, —
Но он помнит цветенье роз
На смотрящем в метель окне.

Руки бабушки так теплы —

Земляничный несут пирог.
Ещё можно в мечтах уплыть
Вместе с Гердой на тот каток,
Где их маленький хрупкий мир
Был незыблемей всех основ...
Бесконечно летящий миг
Согревала тогда любовь.

А она горяча всегда —
Не погаснет в тиши ночной,
Даже если во тьме звезда
Обретёт наконец покой —
Герда вечно спешит к нему,
Чтоб согреть, защитить, вернуть.
Королева сгущает тьму
И толкает бураном в грудь.

Посылает на Герду в бой
Колдовство и разбойный крик,
Снег холодной глухой стеной
Все тропинки в лесу укрыл.
Бесполезно: она идёт,
Тихо шепчет под нос: держись.
Слёзы плавят холодный лёд,
И опять побеждает жизнь.

Мастер

– Жизнь как будто катится к откосу,
Тьма и пустота царят в уме.
Не осталось каверзных вопросов,
Мудрый мастер, что же делать мне?

– Маска на тебе сейчас надета,
Нужно поменять привычный жанр:
Нынче – драма, завтра – оперетта,
Удиви-ка пеньем горожан.

Или представляй, что мы – паяцы.
Всюду – грандиозный карнавал,
Ты под маской можешь рассмеяться,
Даже если плох его финал.

Мир – театр, и люди в нем – актёры.
Не играй одну и ту же роль.
Будь то скрипачом, то дирижёром,
А шута меняет пусть король.

Чередуй трагедию и мюзикл,
После мелодрамы – водевиль,
Надоело быть себе обузой —
Представляй, что эта жизнь – мультфильм

«Так сотворил нас бог Всевышний...»

* * *

Так сотворил нас бог Всевышний —
Мы живы не когда мы дышим,
А до тех пор, пока в крови,
Летят, подобно сладкой вишне,
Тугие шарики любви.

Пока не мёртвые предметы
Мы видим под лучами света
И в людях видим не тела,
А божий оттиск, чуть заметно
Дающий ауру тепла.

И это мягкое свеченье
И душ взаимное влечение —
Всё то, что шепчет: оглянись,
Читай меж строк и слушай пеньё
Сквозь тишину – вот это жизнь.

«Кто я для моря и для чаек...»

* * *

Кто я для моря и для чаек,
Для белоснежных облаков?
Услышат ли мои печали,
Мои сомненья и любовь?

Кем прихожусь я саду с домом,
Кто я для леса и полей?
Друг, недруг, человек знакомый?
Кто я для клина журавлей?

Что обо мне подумал ветер,
Когда внезапно налетел?
А первый утренний луч света
О чём поговорить хотел?

Кто я планете и Вселенной?
Песчинка, божьей искры свет?
И кто с любовью совершенной
Поможет мне найти ответ?

«Я жизнь, казалось бы, познал...»

* * *

Я жизнь, казалось бы, познал,
И стало мне неинтересно —
Так смотрят скучный сериал,
Где выучил давно все песни.

Мой мир понятен был и прост:
В конце строки я ставил точку —
Уверенно, как будто гвоздь
Вгонял железным молоточком.

Зато сейчас, когда совсем
Я ничего не понимаю,
В сетях идей и теорем
От своего незнания маюсь,

И с удивлением готов
Везде поставить лишь вопросы —
Почувствовал за гранью слов
Цветных миров шальные оси.

Я изумляюсь пустоте,

Той изначальной, самой древней,
Когда Всевышнему в мечте
Явились люди и деревья.

Я удивляюсь облакам:
Представьте – озеро летает,
И поражаюсь ледникам,
Когда суровый камень тает.

Я восхищён устройством птиц:
Махнул крылом – и ты на небе,
Где вместо клеток и границ —
Бескрайнего полёта трепет.

И радуюсь, что перерос
Холодных точек испытанье.
Весь мир – тире, весь мир – вопрос,
И восклицанья, восклицанья!

«Эра позднего кайнозоя...»

* * *

Эра позднего кайнозоя,
Солнце путалось в волосах —
Захмелевший с утра от зноя,
Я нашёл чешую в кустах.

Рядом – дева с улыбкой сонной
Умывалась в воде ручья,
И в глазах утонув бездонных,
Я спросил у неё: ты чья?

– Я – ничья, но твою стану,
Коль в пещеру возьмёшь свою
То, что в прошлом моём осталось:
Разноцветную чешую.

Буду холить тебя и нежить
И варить из бизона щи,
Но раз в месяц себя потешить
Очень надо мне, не взыщи.

Буду я и шипеть, и виться,

Буду ядом плевать в тебя —
В каждой женщине яснолицей
Среди прочего есть змея.

Эра космоса и планшетов —
Лезу в шкаф, бутерброд жуя:
У жены средь нарядов летних
Ловко спрятана чешуя.

Может выкинуть, чтоб не слышать
Иногда этот страшный свист?
Ну да ладно, не будет лишним —
Не такой уж я эгоист.

Достаю с антресолей тихо
То, что сам я храню с тех пор:
Бивень мамонта, шкуру тигра
И большой боевой топор.

Я кручу им с огромной силой,
Слышу волка протяжный вой...
Что поделать, хоть мы цивиличны,
Но мужик где-то держит свой

Первобытный тесак фамильный,
Рядом – вешалка с чешуёй.

«Мягче, ребята, мягче...»

* * *

Мягче, ребята, мягче —
Если тут всё рванёт?
Вот уж беда маячит
(Видишь кровавый мячик?)
Катится у ворот.

Может быть, поспокойней
Или чуток добрей?
Не надоели войны
(Помнишь большую бойню)
Возле своих дверей?

Глазом пустым с порога
Смерть уже смотрит внутрь...
Не задевай, не трогай
(Лучше ударь бульдога) —
Несколько есть минут

Чтобы перемириться
И убережь свой дом:
Здесь же родные лица

(Длинная вереница) —
Дети и мама в нём.

Хоть ради них – помягче,
После двух страшных войн
В третьей не жди удачи
(Знаешь, как камни плачут?) —
Лишь прорастёт травой

Пепел на месте твёрдых,
Рвущихся ввысь стволов —
Смерть выжигает гордых
(Самых крутых, упёртых),
Чтобы возшла любовь.

Смерть заберёт и кротких,
Посланных на убой, —
Ей для бездонной глотки
(В ядерной сковородке)
Годеи вообще любой.

В общем, помягче, братцы,
Хватит печатать шаг —
Хочет с людьми остаться
Третий от солнца шар.

«Мы часто говорим, что счастье было...»

* * *

Мы часто говорим, что счастье было,
А в настоящем – вечное не то,
И за спиной серебряные крылья
Лежат горбом, сокрытым под пальто.

Мы любим помечтать, что счастье будет,
Когда сойдутся отпуск и турне,
А счастье – здесь, в родных и близких людях,
И этого достаточно вполне.

Оно везде – в пьянящих звуках сада,
В гуденье пчёл и в пении скворцов,
Оно в осенних красках листопада,
Зимой – в снежинке, севшей на лицо.

Подобно бесконечному пространству,
Оно всегда присутствует с тобой —
С простым и незаметным постоянством,
Как шарфик неба ярко-голубой.

Хоть шапка облаков бывает криво
На солнечный надета жёлтый глаз,
Но и под ливнем можно быть счастливым,
Закутавшись в бесценное сейчас.

«Этой осенью звук раздаётся всё тише и тише...»

* * *

Этой осенью звук раздаётся всё тише и тише,
Свет размыто рисует этюды в пастельных тонах,
Разговора под ветром берёзы почти что не слышно:
Только шорох и шелест, и шёпот в раздетых лесах.

Водяной засыпает от скуки в холодных речушках,
В опустевших лесах Леший больше не хочет кружить,
Только Баба-яга варит зелье своё на опушке
И, смотря в небеса, продолжает ещё ворожить.

Призывает мороз и метель, и зловещую вьюгу,
Чтоб избушку её до весны с головой замело.
Вместе с чёрным котом, неизменным и преданным
другом,
Будет пить вкусный чай и забудет коварство и зло.

Потому что зимой колдовать неприятно для уха:
В этой белой тиши даже малая кривда слышна,
А осенней порой напоследок бушует старуха,

Застилая коврами лужайки для зимнего сна.

Нежнокрылые феи устали порхать беззаботно —
Все стрекозы и бабочки, певшие в храме цветов,
Под напором колдуньи остались на зиму бесплотны,
И никто защитить нас не может от буйных ветров.

Лишь кикиморы шепчут печально в туманных болотах,
И повсюду огни несгорающих алых костров.

«Учусь читать я иероглифы...»

* * *

Учусь читать я иероглифы,
И масса чёрная ветвей
На фоне светлом и лазоревом
Мне кажется ещё темней.

Вот тут разлука нарисована
Со всем, что лето принесло,
И листья, хищным ветром сорваны,
Прощаются навек без слов.

А там надежды угасание —
Нет, не воротишься назад.
И ледяное бормотание
Во сне тревожит голый сад.

Везде встречаю знак опасности —
Как шпага чёрная, колюч,
И лишь рябины гроздь красные
Не падают под гнётом туч.

Чем злее пляшет за околицей

Изломанная чернота —
Тем слаще ягода становится,
Оправдывая холода.

«Когда космический извозчик...»

* * *

Когда космический извозчик
Возьмёт планету под уздцы
И уведёт однажды ночью
Туда, где сходятся концы

Для всех заезженных, забитых,
Изъеденных мошкой кляч,
Кого терзали паразиты,
Не слушая кобылий плач,

И пили нефть, как кровь живую,
Лесов срезали волосы,
Одели в каменную сбрую,
Зажав в бетонные тиски,

И набросали всюду свалки,
Как грязь на впалые бока,
И били ядерною палкой,
Жужжа надменно свысока —

А у неё температура

Растёт глобально каждый год, —
Земля воскликнет: что я, дура?
Таких кобыл наперечёт,

На ком возможно так вольготно
И сладко паразитам жить,
Пойду-ка, вымоюсь добротной,
И налегке смогу кружить,

Не зная ни забот, ни горя,
Под солнцем вечно молодым.
Извозчик, а ты помнишь Ноя?
Давай его предупредим!

«Бокал наполню не вином, а небом...»

* * *

Бокал наполню не вином, а небом:
Оно ценней игристого «Клико».
И ты смотри: не пей вина, не требуй —
Ведь только небо для души легко.

Вкус воздуха прекрасен на закате,
С утра бодрящим запахом пьянит,
И облака – как сахарная вата,
А может, сливки взбитые на вид.

Осенний привкус яблок и корицы
Мне ветер разливает свысока.
Захлебываясь, пью – и не напиться,
И опасуюсь небо расплескать.

Мерцая, как в бокале, в окнах дома,
Оно глинтвейна принимает цвет:
Гранатовый, рубиновый, бордовый
Лучами воздух в самый раз согрет.

И сколько бы ни пил, хочу я снова

Испить до дна дурманящий рассвет.

«Кружат разноцветные листья...»

* * *

Кружат разноцветные листья,
Льёт с неба безрадостный дождь —
И так же грустны мои мысли,
И ты так печально поёшь.

Последние стаи устало
Направили крылья на юг.
Чего им у нас не хватало?
Тепла, как и людям, мой друг.

Взгляни-ка: в тугой паутине
Запутался солнечный луч,
Но ветер, спасатель наивный,
Метнулся к земле из-за туч

И снова умчался на небо,
С добычей – смешным пауком.
А значит, и мы, хоть нелепо,
Но можем с тобою вдвоём

Подняться вослед каравану

И скромно, хоть в самом хвосте,
Исполнив простое желанье,
За стаей на юг улететь.

Руками махать, как придётся,
Пытаясь догнать журавлей,
И видеть лишь рыжее солнце
Над чёрной печалью полей.

«Осень вешает на ветки...»

* * *

Осень вешает на ветки
Золотые самородки
И сверкают самоцветы
Под тугим осенним ветром,
Будто лес из света соткан.

Но когда борей засвищет
Громче песнь о неизбежном,
Осень мечет нам, как нищим,
Все сокровища, что сыщет,
Без оглядки и небрежно.

Чтобы взгляд от птиц поющих
Опускался плавно ниже,
Где лежит, забыв о лучшем,
Как к земле приникший лучик,
Лист сгорающий и рыжий.

И взглянув на это тленье
Самоцветов и опалов,
Подвергаем мир сомнению —

Серебро всё обесценит
Скоро снежным покрывалом.

«Образцом моим по жизни были...»

* * *

Образцом моим по жизни были
Баба с дедом – Клава и Григорий.
Пятерых детей они вскормили,
Несмотря на трудности и горе.

Деда-архитектора забрали,
Как тогда водилось, по доносу.
Пятая родилась дочка Валя,
И решила Клава кровь из носу

Вытащить Григория на волю —
С плачущим младенцем в кабинеты
Клава шла, как одинокий воин
Шёл на строй зловещих арбалетов.

И она в итоге победила:
После тифа, слабая былинка,
Детям папу из тюрьмы отбила
И себе – вторую половинку.

Сквозь войну, страдания и голод

Всех детей смогла своей любовью
Сохранить, хотя колымский холод
Бдительно маячил в изголовье.

Дед тогда болел туберкулёзом,
Заразившись в сталинских застенках,
Голубей стреляла на морозе
Клава и бульоном постепенно

Оттащила мужа от могилы
И отсрочку вырвала у смерти.
На троих в одном пальто ходили,
Но смеялись в непогоду дети.

Жили в продуваемом бараке,
Всемером в убогой комнатушке,
Делали уроки в полумраке,
За водой ходили на речушку.

Мама говорит, что в этом детстве,
Несмотря на голод и ненастья,
В их семье царило между бедствий
Крепкое незыблемое счастье.

Радовал семейный скудный ужин,
Сказки, что выдумывал Григорий,
Каждый был друг другу очень нужен,
Не было ни ссоры, ни укоров.

А сейчас, спустя десятилетия,
Правнукам, жующим сытный бургер,
Не понять, что может быть на свете
Столько счастья в неуютных буднях.

«В страданиях душа тончает...»

* * *

В страданиях душа тончает,
Снимается жирок с души,
И ты внезапно различаешь
Невидимую раньше жизнь.

Не два, не три – все сто оттенков
В закатной видишь глубине,
И кто-то начинает тренькать
В том месте, где горел в огне,

В том самом тонком, слабом месте,
Где ворон боли исклевал,
Вдруг звуки соловьиной песни
Летят в открывшийся портал.

И, оглушённый и ослепший
От красок, впитанных тобой,
Благословляешь день прошедший
За очистительную боль.

Колесо сансары

Так хочется остановить мгновенье —
Весну как чудо нежного рожденья,
И лето с его буйством и теплом,
И осень с несгорающим костром.

Так хочется продлить навечно юность,
Чтоб ни одна морщина не коснулась,
Затем – хотя бы силу сохранить,
В конце – не оборвать бы только нить,

И вставить палку в колесо Природы,
Не завершив последнего похода.
У краешка, над пропастью во ржи
Притормозить стремительную жизнь.

Но дни мелькают, как шальные спицы, —
Нам просто не дано остановиться,
И просветленье поджидает нас
Внутри, где неприметное Сейчас,

Как бесконечно длительная ось,
Пронзает всё творение насквозь.

Дети и медведь

Вечернее солнце в пурпурной карете
Уже отплывало на запад, но дети
Все рвали бруснику с янтарной морошкой,
Толкались локтями и клали в лукошко.

Медведь подошёл в сосняке к ним внезапно,
Как бревна с сучками – когтистые лапы,
И девочка крикнула испугнутой сойкой,
А мальчик старался казаться спокойным:

– Ты, Мишка, бери, если надо, морошку,
Я знаю, что это ведь всё понарошку,
И ты к нам пришёл из любимых мультяшек,
Но хватит шутить – почему-то нам страшно.

Медведь отвечал: – Уж какие тут шутки —
Не ел я, наверно, четвёртые сутки,
А тут мне сама приплывает к обеду
Еда аж в два блюда, ещё и с беседой!

Кузнечик чуть слышно звенел под ногами,
Вороны царапали небо крылами,
И падала спелая в землю брусника —
А мальчик всё слышал – вот так было тихо.

И понял, что если он с миром отдельно,
То эта минута им будет последней.

Тогда зачерпнул у небес необъятность,
У речки – текучесть и звонкую ясность,
Взял сил сокровенных у старого дуба,
И сами собою промолвили губы:

– Ну, здравствуй, Михайло, меня звать Иваном,
А рядом сестра, её имя – Марьяна,
И мы не чужие – одной с тобой крови,
А небо – нам общая синяя кровля.

Мы с Машей найдём тебе сладкие соты —
Поверь, это добрая будет охота.
Ведь ты же – Балу из прочитанной книжки,
Мой мудрый учитель, а я – тот мальчишка.

Медведь посмотрел на детей удивлённо —
Тянули ладони счастливые клёны,
Шептались о чем-то, шутя обнимали,
Тепло золотились закатные дали,

И так ему стало легко и уютно,
Что голод исчез, что наелся как будто.
А лес весь промыт и загадочно светел.
Медведь улыбнулся растерянными детям

И в лес воротился, смешно косолапя,

А мёд прямо с веток на голову капал,
Сочился откуда-то, нежно струился,
Расплавленным светом на шкуру ложился,

Наполнив любовью дремучую чашу,
Как будто хрустальную чистую чашу —
Медведь никогда и не пробовал слаще.